РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ
П.А. ЖУРАВЛЕВ
ДВЕСТИ ВСТРЕЧ
СО СТАЛИНЫМ

Павел Александрович Журавлев

Двести встреч со Сталиным

Серия «Рядом со Сталиным»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113305
Двести встреч со Сталиным / Павел Журавлев.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-4438-0004-2

Аннотация

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Автор этой книги П.А. Журавлев на протяжении более трех десятков лет собирал материалы о личных встречах со Сталиным выдающихся деятелей сталинской эпохи. В результате у него образовалось «досье» о встречах со Сталиным полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и др.; наркомов А.И. Шахурина, И.Т. Пересыпкина, А.Г. Зверева и др.; конструкторов А.С. Яковлева, В.Г. Грабина и др.; дипломатов А.А. Громыко, В.М. Бережкова и др.; известного полярника И.Д. Папанина, писателя К.М. Симонова.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906–1953 гг. этих интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

Содержание

К читателям 4
Часть I 6
1906 год 6
1907 год 7
1917 год 8
1919 год 9
1920 год 10
1922 год 12
1924 год 20
Часть II 22
1928 год 22
1929 год 24
1930 год 26
1931 год 27
1932 год 28
1935 год 30
1936 год 39
1937 год 41
1938 год 43
1939 год 49
1940 год 72
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Павел Александрович Журавлев
Двести встреч со Сталиным

Я знаю, что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет.
И.В. Сталин

К читателям

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Сложная, неоднозначная и трагическая личность самого И.В. Сталина, оказавшего серьезное влияние на ход мировой истории, станет темой всестороннего исследования еще не одного поколения как отечественных, так и зарубежных историков.

В 1953 году, когда умер И.В. Сталин, мне было 28 лет. Я, как и большинство моих сограждан, воспринимал его смерть как личное горе. Всех тогда охватило беспокойство о том, что будет дальше с нами и нашей страной, поколебалась уверенность в будущем. В нашем восприятии Сталин был человеком, возглавлявшим государство в течение долгих тридцати лет. Под его руководством это государство не только одержало победу в тяжелейшей войне с фашистскими захватчиками, но и проявляло постоянную заботу о своих гражданах, обеспечивало их работой, общедоступными бесплатными здравоохранением и образованием, стремилось обеспечить всех бесплатным жильем и детскими учреждениями и т. д. Я сам, рано оставшись без родителей, смог в нашем государстве без «взяток» и «мохнатых лап» получить высшее образование и интересную престижную работу в атомной промышленности, где очень скоро стал руководителем одного из важных коллективов.

После XX съезда КПСС у меня, как, наверное, и у многих людей моего поколения пробудился повышенный интерес ко всему, что могло бы помочь понять и осознать происшедшее и происходящее. Особое внимание привлекли начавшие выходить в те годы публикации с воспоминаниями людей, принимавших непосредственное участие в важнейших государственных, политических и военных событиях недавнего прошлого и близко знавших и лично встречавшихся с И.В. Сталиным и описавших эти встречи в своих мемуарах. Интерес этот был обусловлен тем, что однозначного поворота в моем сознании с «белого» на «черное» не произошло. Понимание грандиозности и величия свершенного И.В. Сталиным не допускало во мне такой метаморфозы. Ведь даже Уинстон Черчилль, выдающийся государственный деятель XX века, непримиримый идеологический противник Сталина, организатор интервенции против молодой Советской России, идеолог «холодной войны» и, в то же время, волею исторической судьбы соратник Сталина по борьбе с фашизмом во Второй мировой войне, уже после смерти И.В. Сталина и после XX съезда КПСС, 23 декабря 1959 года в речи, произнесенной в английском парламенте в связи 80-летием Сталина сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый лидер И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным и, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал чувством юмора и сарказма,

а также способностью четко выражать свои мысли. Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойденным среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история, народ не забывает!»

В 1968 году во время прочтения первой книги С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» я начал заносить в тетрадь описания личных встреч с И. В. Сталиным и не изменял этому «хобби» в течении более трех десятков лет. За это время в результате прочтения многих десятков мемуаров у меня образовалось «досье» на двести с лишним встреч.

Ю.А. Горьков в книге «Кремль. Ставка. Генштаб» опубликовал «Выписки из Журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете» за 1935–1945 годы. Только в первые дни войны, когда И.В. Сталин «растерялся и пьянствовал на даче», он принял – 22 июня – 28 человек, 23 июня – 21, 24 июня – 20, 25 июня – 29, 26 июня – 29, 27 июня – 28, 29 июня – 21 и т. д. Вот так «растерялся»!

Среди лиц, рассказавших о своих неоднократных или единичных личных встречах с И.В. Сталиным, военачальники Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С. М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, Н.Д. Яковлев, К.Е. Ворошилов, СМ. Буденный, П.А. Ротмистров и др., наркомы-министры А.И. Шахурин, И.Т. Пересыпкин, А.Г. Зверев и др., политические деятели А.И. Микоян, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.С. Чуянов и др., создатели военной техники А.С. Яковлев, В.Г. Грабин и др., дипломаты А.А. Громыко, В.М. Бережков и др., известные полярники И.Д. Папанин и К.С. Бадигин, писатель К.М. Симонов, а также другие выдающиеся люди.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906–1953 годах этих, интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

К сожалению период до 20-х годов представлен слабо из-за недоступности мемуарной литературы по тому времени.

Ныне вновь наступило время, когда люди разных поколений и возрастов, в том числе и молодые, стали проявлять интерес как к подлинной истории нашего Отечества, так и к личности И.В. Сталина. Так, в марте 2000 года в Санкт-Петербурге на научной конференции, посвященной 120-летию И.В. Сталина и мартовской годовщине его кончины, с участием большого количества молодежи, было сказано: «У современной молодежи украли подлинного Сталина».

На удовлетворение в какой-то степени этого интереса и рассчитан материал книги.

П.А. Журавлев

Часть I
Годы революционной деятельности (1906–1924)

1906 год

К.Е. Ворошилов, апрель 1906 года

На IV съезде РСДРП в издательстве «Вперед» нам доверительно сообщили, что из-за жестоких преследований революционеров по всей России созвать съезд внутри страны нет никакой возможности и что единственный выход – провести его за границей, в Стокгольме. <…>

В стокгольмском порту меня встретил наш человек и определил на жительство в небольшую комнатку на 2-м этаже одного из домов, в нижнем этаже которого располагалось какое-то питейное заведение – не то бар, не то ресторан. В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки – следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и сам являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения. Долгие годы после смерти В.И. Ленина он возглавлял Центральный Комитет нашей партии, а в годы Великой Отечественной войны – Советское правительство и Вооруженные Силы СССР. Мне после этого не раз пришлось встречаться с ним, а после победы Октябрьской революции вместе воевать против белогвардейщины и иностранной интервенции, вместе с ним участвовать в работе высших органов партии и государства. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний, где это будет необходимо, правдиво сказать о нем все, что знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти.

К тому времени И.В. Джугашвили (Сталин) уже активно проявил себя как видный деятель большевистского направления в Закавказье, находился в заключении в Батумской и Кутаисской тюрьмах, был сослан в Восточную Сибирь и бежал из ссылки. На съезде он твердо отстаивал ленинскую линию на вооруженное восстание. Выступая на одном из заседаний съезда, он очень четко и ясно определил сущность наших расхождений с меньшевиками: «…или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии – вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия».

К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 247–248.

1907 год

К.Е. Ворошилов, 13.05–01.07.1907 года. (V съезд РСДРП)

Как и на IV съезде, В.И. Ленин почти каждодневно встречался с большевистской частью делегатов на фракционных собраниях. Эти сборы не имели официальной повестки и специального председателя, а скорее всего походили на товарищеские беседы единомышленников. <…>

Вспоминается первый такой сбор нашей большевистской фракции в Лондоне перед началом работы V съезда. Владимир Ильич попросил нас, делегатов с мест, сообщить о настроениях в местных партийных организациях, о наказах, данных ими своим делегатам, и высказать свои соображения о том, как распределяются голоса большевиков и меньшевиков в составе делегаций от различных районов страны. Сообщения сделали представители из Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа; я очень коротко доложил о представителях Донбасса. Владимир Ильич внимательно слушал нас и делал какие-то записи в свой блокнот. Иногда он выражал сомнение в оценке того или иного товарища.

– Мы должны твердо знать, – сказал он, – кто будет поддерживать подлинно революционные требования, кто выступит против них и кто проявит колебания, примкнет к центристам, «болоту». По мере возможности мы будем переубеждать их, перетягивать на свою сторону.

На этом собрании я вновь встретился с Ивановичем (Иосифом Джугашвили – И.В. Сталиным), который участвовал в работе съезда с совещательным голосом. Мы сидели с ним в разных местах, он меня узнал и приветливо кивнул. А когда начался подсчет голосов в группе Кавказских делегатов, он внес свою поправку в сообщение М.Г. Цхакая, сообщив, что двое из делегатов, отнесенных им к меньшевикам, на самом деле еще не определили четко своих позиций и вполне возможно, что один из них будет примыкать к «болоту», а другого есть вероятность склонить на сторону большевиков. Чувствовалось, что Иванович хорошо знает близких ему людей, разбирается в их настроении и со знанием дела определяет свое мнение о том или ином человеке. В ходе работы он твердо стоял на ленинских позициях.

К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 350–351.

1917 год

С.И. Гопнер, 21 апреля 1917 года

На апрельской конференции я впервые увидела и услышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ, который присутствовал на совместном заседании президиума Петроградского Совета и Временного правительства в Мариинском дворце, сделает информацию об этом заседании. Это были дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи – простой, отличавшейся четкостью, лаконичностью – Сталин очень красочно рассказал, как министры – Гучков, Шингарев и Милюков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Метко звучали его слова о том, что Гучков и Милюков «хотели маленькой революции для большой победы». Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

С.И. Гопнер. апрельская конференция.
Сборник «Октябрю навстречу». лениздат, 1987. С. 85–86

1919 год

И.В. Тюленев, 17 ноября 1919 года

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР. В Реввоенсовет армии вошли К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП(б) С.К. Минин.

Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта – А.И. Егоров и И.В. Сталин.

На объединенном заседании Реввоенсовета Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

– Отныне, – сказал он, – штаб корпуса принимает на себя функции армейского организма и становится штабом Конной армии. Прошу врид начальника штаба Первой Конной армии С.А. Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии. <…> Члены реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И.В. Сталин сказал в заключение:

– Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимума сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может… Руководство фронта примет, в свою очередь, меры к тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым.

На этом заседании СМ. Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а С.А. Зотову – золотые именные часы.

И.В. Тюленев. Через три войны. Воениздат, М., 1972. С. 89–90.

1920 год

К.А. Мерецков, май 1920 года

12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. <…> Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А.И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп «академиков» (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И.В. Сталина. <…>

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н.Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии. <…> И мы с нетерпением ждали минуты, когда вольемся в этот коллектив, овеянный боевой славой. Но начштаба повел нас сначала к командующему фронтом. Александр Ильич тепло напутствовал молодых генштабистов, после чего с нами пожелал встретиться И.В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал.

Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подозревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком – Генеральным секретарем ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным Главнокомандующим! Однажды уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва – Харьков и о майской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

– Умеете ли вы обращаться с лошадьми?

– Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.

– Следовательно, знаете, с какой ноги влезать в седло?

– А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

– А умеете перед седловкой выбивать кулаками воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу? – Вроде бы умеем.

– Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 49, 50–51.

С.М.Буденный, 17–21 декабря 1920 года

В Москве открывался VIII Всероссийский съезд Советов. Мы с Клементом Ефремовичем были избраны делегатами съезда. <…>

Утром 17 декабря мы поездом отправились в Москву. Радовались, что снова увидим Владимира Ильича, горячо обсуждали, о чем нужно в первую очередь доложить ему, какие вопросы поставить перед ЦК и правительством. Приехали в Москву под вечер. <…>

На другой день мы решили связаться со Сталиным. Было три человека, которые, на наш взгляд, больше других заботились о 1-й Конной армии, – Ленин, Калинин и Сталин. Мы всегда ощущали их помощь. Позвонили Сталину на квартиру – жил он в Кремле. Слышу в трубке его голос:

– Товарищ Буденный? Знаю о вашем приезде. Приходите, жду. И Ворошилов с вами? Жду обоих. Сталин тепло принял нас и сразу забросал вопросами: как идет борьба с бандитизмом на Украине, как разворачивается посевная кампания, налажена ли связь с местными партийными и советскими органами, чем живут конармейцы, обсудил ли Реввоенсовет армии вопросы дальнейшего состояния 1-й Конной… Когда мы закончили доклад, он сказал:

– Красная Армия не только верный страж народа, но и верный помощник в труде. Когда пахарь-крестьянин и боец работают на одном поле, работают дружно, рука об руку, тогда крепнет союз армии и труда. – И я так понимаю, Иосиф Виссарионович.

– Владимир Ильич очень обеспокоен положением дел на Украине. Бандитские отряды Махно надо во что бы то ни стало разбить до весны, дать трудовым селянам Украины возможность организованно и в срок провести сев. У меня был разговор со Склянским. Говорят, что отряды Махно ускользают от 1-й Конной. Так ли? Я объяснил обстановку. Сталин, попыхивая трубкой, подошел ближе, положил руку на мое плечо.

– Семен Михайлович, Владимир Ильич очень вас ценит и то, что Врангель был успешно разбит – большая заслуга и вашей Конной армии. Уверен, что с махновцами быстро справитесь. Только никому не говорите, что вас хвалим, а то еще сглазим, – шутливо добавил он.

22 декабря мы раньше других поспешили в Большой театр, где проходил съезд.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 179, 180–181.

1922 год

А. И. Микоян, 13 января, 5–6 февраля 1922 г.

<…> 12 января на мое имя пришла телеграмма с предложением немедленно выехать в ЦК. Для решения вопроса о моей поездке собралось бюро губкома. Из телеграммы не было ясно, с какой целью меня вызывают и надолго ли. Бюро разрешило мне выехать, но в случае долгого отсутствия, я должен был сообщить губкому о причинах задержки. <…>

13 января был уже в столице. В ЦК мне сказали, что меня хочет видеть Сталин и что мне следует пойти к нему на квартиру в Кремль. Он жил в здании, на месте которого теперь стоит Дворец съездов. Сталин занимал две комнаты на первом этаже.

Принял он меня приветливо. Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина. Речь идет о работе по подготовке к очередному, XI съезду партии. Начал с вопроса о положении у нас, в нижегородской организации. Я коротко сообщил, что после длительной борьбы наша организация оздоровилась, сплотилась вокруг ленинских идей и уверенно идет к предстоящему съезду. Отдельные группки и лица, связанные со Шляпниковым, есть, но они уже не имеют особого значения.

Видимо, Сталин задал этот вопрос, чтобы как-то начать беседу, ибо в ЦК хорошо знали о положении в нашей организации. Поэтому он сразу перешел к делу.

Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий и открытых группировок или политических платформ. ЦК не придает большого значения тому, что Шляпников с узкой группой своих сторонников, оторванный от масс, скрыто ведет групповую работу. Теперь уже он и его группа не представляют серьезной опасности, и если что-нибудь антипартийное возникнет, то быстро провалится.

Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Но пока они ведут себя тихо. Никаких заметных разногласий, могущих отразиться на партии, нет. Конечно, от Троцкого можно всего ожидать. До съезда остается еще два месяца. Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, но, по всему судя, это теперь маловероятно. Надо полагать, что скорее всего, он, наученный горьким опытом его поражения на X съезде, изберет другую тактику: пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство. Этим он рассчитывает усыпить бдительность партии, восстановить свой авторитет, провести побольше своих сторонников в Центральный Комитет.

При отсутствии платформ и разногласий делегаты будут отдавать свои голоса за кандидатов в центральные органы партии (по соображениям только их персональных достоинств), предавая забвению прошлые принципиальные разногласия. И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для дальнейшей работы ЦК. Потом Троцкий может поднять голову, вызвать разногласия в ЦК и, опираясь на своих сторонников, всячески затруднять работу ЦК, мешать тому, чтобы партия под руководством Ленина сосредоточилась целиком на неотложных задачах, может начать борьбу против Центрального Комитета, как это уже было не однажды.

Поэтому, сказал Сталин, мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них троцкистов.

В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.

– Вот почему, – сказал он в заключение, – Ленин поручил мне вызвать вас, рассказать об этой обстановке, и, если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Новониколаевск к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал… Я без колебаний заявил, что согласен отправиться в Сибирь с этим поручением, но мне надо хотя бы на день заехать в Нижний Новгород. Сталин согласился. Кроме того, он сказал, что ехать в Сибирь мне следует как бы по личным, семейным делам, и особо предупредил, что обо всем, сказанном им, следует передать только лично Лашевичу.

– Дело в том, – сказал Сталин, – что секретарем Сибирского бюро ЦК сейчас работает Емельян Ярославский. Во время профсоюзной дискуссии он выступал против Троцкого, занимая правильные, ленинские позиции. После X съезда он работал некоторое время секретарем ЦК партии, но работал недостаточно удовлетворительно, и мы решили перевести его на должность секретаря Сиббюро ЦК. Его нынешние настроения, его позиции пока нам неизвестны. Поэтому, – сказал Сталин, – передайте поручение ЦК только Лашевичу: он сообщит, кому найдет нужным, и сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов.

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал:

– Вы что, все свои кавказские разногласия обсуждаете?

Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу. Я был смущен этой неожиданной встречей с Лениным и, попрощавшись, поторопился уйти. Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а не кому-либо из секретарей ЦК (в то время Сталин еще не был секретарем ЦК), а главное, то, что Ленин так запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему.

Заехав на день в Нижний, я вернулся обратно в Москву, получил в ЦК соответствующую экипировку для защиты от сибирских холодов и в тот же день уехал поездом в Новониколаевск. <…>

Лашевича на месте не оказалось: он был в отъезде. Я, понятно, решил ждать его возвращения. <…>

Через несколько дней вернулся Лашевич. Я тут же с ним встретился и рассказал о поручении, которое мне дано для него от имени Ленина.

Внимательно выслушав меня, он очень обрадованно сказал: «Хорошо, что вы приехали. Мы, как провинциалы ничего подобного даже не предполагали, и немало бывших троцкистов было бы у нас избрано на съезд. Но теперь мы это учтем. Передайте в Москве, чтобы Ленин не беспокоился за Сибирь».

Поездка в Сибирь заняла в общей сложности больше трех недель. Вернувшись, я снова побывал у Сталина, рассказал о выполнении данного мне поручения, об общем положении в партийных организациях Сибири, о своих впечатлениях, о людях, с которыми пришлось познакомиться.

В конце беседы Сталин сказал, что в ЦК есть мнение направить на работу в наш губком Угланова, работавшего до этого секретарем Петроградского губкома.

– Он не сработался там с Зиновьевым, пошли неприятности, и ЦК решил отозвать Угланова из Петрограда. Вместе с тем, он способный, растущий партийный работник. Выходец из приказчиков, вступил в партию еще до революции. Имеет опыт руководящей партийной работы. Мы считаем целесообразным послать его к вам в Нижний. Он мог бы пока поработать у вас заворготделом вместо Коршунова, а со временем, когда пустит корни в вашей организации, а вам подойдет время перейти на другую работу, Угланов сможет вас заменить. А Коршунова мы направим в другую губернию…

Предложение об Угланове оказалось для меня неожиданным. Я не был с ним знаком, но Сталин так убедительно его рекомендовал, что у меня не могло возникнуть никаких возражений против его кандидатуры. К тому же я понимал, что после работы на посту секретаря одной из самых крупных партийных организаций страны с работой у нас Угланов, конечно, справится.

На том и порешили. Я вернулся в Нижний, а через несколько дней приехал Угланов.

А.И. Микоян. В начале двадцатых…
Политиздат, М., 1975. С. 140–142, 143, 144–145.

С. М. Буденный, 3—10 апреля 1922 года.

Сразу же после съезда, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И.В. Сталин был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Это я узнал от М.В. Фрунзе. <…>

Еще на съезде, когда Сталин беседовал с военными, он сказал, что хотел бы после съезда подробно поговорить со мной о кавалерии, о развитии в нашей стране коневодства и о других, как он сказал, «неотложных вопросах».

Желание Сталина побеседовать со мной было как нельзя кстати: судьба кавалерии, судьба коневодства в стране меня глубоко волновали. Я был рад предложению Иосифа Виссарионовича и сказал, что в любое время я могу зайти в ЦК.

– Зачем в ЦК, – улыбнулся Сталин. – Помните декабрь 1919 года, когда я приезжал в Велико-Михайловку и мы проводили первое заседание Реввоенсовета Конной армии? – Помню, Иосиф Виссарионович.

– Вы тогда меня очень тепло встретили… А почему я должен вас обижать? Приходите ко мне домой.

– Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Я долго не решался звонить Сталину. Теперь, после избрания его на пост Генерального секретаря, он был, конечно, страшно загружен. Не время сейчас говорить о кавалерии и коневодстве. Есть более важные вопросы. Лучше отложить нашу беседу на другое время. Возможно, я так и уехал бы. Но о моем разговоре со Сталиным узнал М.В. Фрунзе. Он сказал:

– Обязательно позвоните, настоятельно рекомендую. Сталин очень интересуется кавалерией. А теперь ему и по долгу службы надо заниматься вопросами строительства и укрепления Красной Армии.

Собравшись с духом, я позвонил Сталину. Ответ был коротким:

– Приходите, жду.

Когда я пришел, Сталин не сразу заговорил, давал мне возможность собраться с мыслями.

– Ну, как дискуссия? – спросил он. – Троцкий и его сторонники против военной доктрины, старая песня… – Он молчал, задумчиво раскуривая папиросу. – Владимир Ильич серьезно заболел, а обстановка в стране тяжелая. Переход на мирное строительство, ликвидация последствий войны – дело сложное, потребует от коммунистов больших знаний, практических навыков, умения организовать массы, возглавить массы и опереться на массы, и больше внимания мелочам, именно мелочам. Все великое строится из малого. Сталин заговорил о взглядах Фрунзе на единую военную доктрину. Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Михаила Васильевича.

– Красную Армию мы будем укреплять, поднимать ее боеготовность из года в год. И кавалерия нам еще крайне необходима, – продолжал Сталин. – Что нужно сделать для ее

развития как стратегического рода войск? В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой.

Я сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении и, чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Проводимая реорганизация кавалерийских соединении сводится, по сути дела, лишь к их сокращению, другие вопросы пока не затрагиваются,

– Какие же это вопросы? – спросил Сталин.

О них мы не раз сообщали Главкому и РВС республики, в частности, давно шла речь об увеличении числа орудий для кавалерийских частей, да и для всей армии, но все остается без изменения. В полку отдельной кавалерийской дивизии лишь два орудия, в полку отдельной кавбригады – одно.

– А у Пилсудского, как помнится, было шесть орудий? – спросил Сталин.

– Пять, Иосиф Виссарионович.

– Еще что вас тревожит?

При современных средствах наблюдения и поражения, говорил я Сталину, конница становится все более уязвимой с земли и воздуха. Важнейшее условие успеха ее атак – внезапность. Только при этом она наносит большой урон противнику. Стремительная атака конных масс наводит ужас на врага, подавляет волю к сопротивлению. Но условия для успешной атаки конница обязана подготовить сама. <…>

Опыт 1-й Конной убеждал в том, что в Красной Армии необходимо сохранить стратегическую конницу, действующую самостоятельно. Кроме того, конные части следует придавать стрелковым дивизиям. Реорганизация проводилась без достаточного учета опыта гражданской войны. Все это поставило конницу в очень тяжелое положение…

Сталин слушал меня не перебивая.

– Да, вижу, с кавалерией совсем худо, – сказал он. – Вам бы следовало вместе с Клементом Ефремовичем представить по этому вопросу специальное письмо. Но будем считать ваше сообщение за мнение Реввоенсовета 1-й Конной. Я сказал, что если надо, то через неделю такое письмо представим. Сталин махнул рукой.

– Не будем терять времени. Лучше подумайте, как успешнее подготовить Боевой устав кавалерии. Дело это очень нужное. Затем разговор зашел о коневодстве и коннозаводстве. Признаться, я не ожидал, что Сталин сведущ в этом деле. Он знал, сколько было в стране лошадей, сколько осталось после революции.

– Будем брать курс на полную механизацию народного хозяйства, в том числе, земледелия, – сказал Сталин, – но пока построим заводы, пока научимся делать машины, придется выезжать на лошади. Ныне она – главное средство производства. Поэтому развитие коневодства сейчас – важнейшая задача.

Я сказал Сталину, что, если не будут приняты чрезвычайные меры, мы обречем наше коневодство на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей, выделить для деревни достаточное количество племенных, кровных. Этим мы заинтересуем самих крестьян, которые охотно помогут нам, и тогда сможем закупать хороших лошадей для армии.

Сталин заметил, что на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита.

– Но прошу учесть, – предупредил Сталин, – что нужно максимально использовать резервы на местах. А то у нас есть немало фактов, где на местах с лошадью обращаются безобразно. Кстати, Семен Михайлович, тут в РВС Республики поступила жалоба. – И он многозначительно глянул на меня. – Какая жалоба? – спрашиваю.

– На вас, Семен Михайлович. Говорят, вы самоуправством занимаетесь. Что там у вас в Ростове приключилось?

И тут я вспомнил. Однажды утром направляюсь в штаб округа. Вижу: на полном галопе скачет по тротуару кавалерист. Люди шарахаются от него в стороны. Крикнул кавалеристу, чтобы остановился и подъехал ко мне.

– Откуда? – спрашиваю.

Он назвал кавалерийскую часть и доложил, что ездил в штаб округа с донесением, а сейчас спешит в часть. Приказал кавалеристу слезть с лошади.

– Это что? – Я показал на окровавленные копыта лошади. Она была не подкована, а конник гнал ее по камням. Да, я был крут и суров к тем, кто по-варварски относился

к лошадям. Поэтому тот случай не оставил без внимания. Приказал забрать у бойца лошадь, а самого арестовать на десять суток. Вот он и написал на меняя жалобу: дескать, поступает Буденный на манер царского офицера.

Уже когда собрался уходить, Сталин сказал:

– Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете Республики и решили учредить должность помощника Главкома по кавалерии. Как вы на это смотрите?

– Я – за. Мера важная и нужная. Уверен, что это принесет большую пользу нашему общему делу – укреплению Красной Армии.

– Да, конечно, польза будет, но при одном условии – если на эту должность изберем знающего человека. – Он в упор посмотрел на меня. И вдруг сказал: – Вас рекомендуем, Семен Михайлович.

Я опешил и не сразу нашелся, что сказать. Предложение было по душе. Я смог бы вплотную заняться вопросами дальнейшего укрепления красной кавалерии. И в то же время вполне отчетливо сознавал и как командир, и как коммунист, что много еще незавершенных дел осталось на Северном Кавказе.

Сталин, конечно, заметил мое смущение.

– Вы не решаетесь принять эту должность?

– Иосиф Виссарионович, спасибо за доверие, но разрешите мне еще побыть командиром и членом Реввоенсовета округа. – И рассказал Сталину, почему считаю это необходимым.

– Ну что ж, – сказал Сталин, – понимаю вас. Основания для такой просьбы с вашей стороны вполне убедительны. Давайте отложим все на год.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 291–295.

А. И. Микоян, 25–30 апреля 1922 года

В конце апреля 1922 года у меня состоялась еще одна встреча со Сталиным. На этот раз речь шла о моей новой работе.

Сталин сказал, что в ЦК есть намерение выдвинуть меня на работу в качестве секретаря Юго-Восточного бюро ЦК ОКП.

Такое предложение было для меня неожиданным. Мне не хотелось тогда уезжать из Нижнего. Только что начал по-настоящему «влезать» во все нижегородские дела, меня узнали коммунисты и беспартийные рабочие, на последней партийной конференции мне выразили полное доверие. Работал я с большим увлечением, да и дела у нас пошли неплохо. В этих условиях срывать меня с места и посылать на совершенно новую, притом очень большую работу, с которой я, к тому же, мог и не справиться, казалось мне делом несвоевременным.

Поэтому, подумав, я сказал Сталину, что, конечно, ЦК вправе перебросить меня на другое место, но, откровенно говоря, мне хотелось бы еще некоторое время поработать в Нижнем. Это принесет мне как партийному работнику только пользу. Хотя за это время я и успел вникнуть во многие вопросы партийного руководства промышленностью, сельским хозяйством и советским строительством, тем не менее еще не чувствую себя в этом отношении достаточно сильным и мне полезно набрать еще опыта.

Сталин слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

– Ты только не прибедняйся. В Нижнем уже многое сделано. Организация заметно выправилась, идейно и организационно окрепла, стала более сплоченной. Значит, главное сделано и ты можешь спокойно перейти на новое место, которое предлагает ЦК. Тогда высказал свои доводы против назначения меня секретарем Юго-Восточного бюро ЦК партии:

– Это очень большая и ответственная работа. Северный Кавказ – огромный и сложный край. Там много еще не решенных и не очень ясных для меня проблем, связанных, скажем, с казачеством, с горскими национальностями и их взаимоотношениями. Кроме того, это край с большим сельским хозяйством, а у меня как раз мало опыта работы в сельскохозяйственных районах. Я считаю себя пока не подготовленным к такой большой работе и боюсь, что не оправдаю надежд ЦК. Сталин на это отвечал:

–

Не преувеличивай трудностей. Конечно, они там есть. Секретарем бюро ЦК работает сейчас Виктор Нанейшвили, которого ты должен хорошо знать еще по Баку. Он старый большевик, бывший учитель. Но он и в партийной работе сохранил стиль учителя: больше поучает и разъясняет. Организационно объединить и сплотить людей ему не удалось. Кроме Ставропольской губернии, местные организации не поддерживают бюро ЦК, считая его излишним звеном, средостением между ними и ЦК. Мы же считаем, – продолжал Сталин, – что при существующих средствах связи и неокрепшем аппарате в самом ЦК из Москвы трудно руководить и решать специфические и действительно порой очень сложные вопросы этого края. Бюро ЦК – не лишнее звено, а необходимый орган ЦК партии в крае. На первых порах главная задача там – укрепление политической, партийной, организационной работы. С этим ты вполне справишься. Что же касается хозяйственных дел, то ЦК готов дать крупных хозяйственников из Москвы. После ознакомления с делами на месте тебе станет ясно, каких работников нужно направить в этот край. Во всяком случае, жалеть людей для этого края ЦК не будет. Опровергнуть эти доводы Сталина было, конечно, трудно: они были довольно убедительны. Вообще Сталин умел уговаривать. Я только высказал ему еще одно соображение:

– В состав Югвостбюро сейчас входит командующий Северо-Кавказским военным округом Ворошилов. Я с ним никогда вместе не работал. Он известный политический деятель. Как большевик и член ЦК партии намного старше меня. У него, наверное, уже сложилось свое твердое мнение по всем местным вопросам и он, естественно, будет защищать свои позиции. В чем-то мы можем ведь и разойтись. На этой почве у нас могут возникнуть конфликты. Я его уважаю и не хотелось бы вступать с ним в столкновения, а приспосабливаться не могу… Сталин стал заверять меня, что ничего этого не случится.

– Можешь действовать вполне самостоятельно и ничего не опасаться. Я знаю Ворошилова как толкового и умного человека. Он хороший товарищ и не будет мешать тебе в работе. Наоборот, всячески поможет. Обещаю лично поговорить с Ворошиловым.

После этого уже ничего не оставалось, как дать согласие на предложение ЦК.

В конце беседы Сталин обратил внимание, что я крайне исхудал и что у меня вообще довольно болезненный вид. Действительно, выглядел я неважно, – видимо, сказалась жизнь на тогдашнем полуголодном пайке. Однако, я сказал лишь о том, что месяц назад около двух недель болел воспалением легких и лежал в постели с высокой температурой.

Тогда он предложил мне поехать в дом отдыха ЦК недалеко от Риги, на берегу Балтийского моря.

– Там хорошие условия, и ты сумеешь быстро подкрепиться. – Я согласился, тем более что после 1917 года я еще ни разу не был в отпуске. Меня тронуло проявление такой заботы со стороны Сталина. Прощаясь со мной, Сталин сказал:

– Поезжай в Нижний, можешь проинформировать членов бюро губкома о намерении ЦК отозвать тебя из Нижнего и жди решения ЦК.

<…> Решение о моем отзыве из Нижнего и назначении секретарем Юго-Восточного бюро ЦК было вынесено 2 мая 1922 года.

А.И. Микоян. В начале двадцатых.
Политиздат, М., 1975. С. 162–164, 166.

А.И. Микоян, 4–7 августа 1922 года

<…> в самых первых числах августа 1922 года, я выехал в Москву для участия в работе XII Всероссийской партийной конференции.

В конце мая 1922 года у Ленина случился первый приступ болезни. Все мы, делегаты, собравшись в Кремле, с особым волнением ждали сообщения о здоровье Владимира Ильича.

В первый же день работы конференции, 4 августа 1922 года, делегатов проинформировали, что по заключению авторитетнейших врачей, как русских, так и иностранных, здоровье и силы Владимира Ильича не только восстанавливаются, но уже, можно сказать, восстановились. Владимиру Ильичу нужен только временный отдых. Вскоре он собирается занять свой боевой пост <…>

На следующий день, на вечернем заседании, с внеочередным заявлением выступил Сталин. Он сказал: «Я имею заявить, что сегодня был вызван к товарищу Ленину и он, в ответ на приветствие конференции, уполномочил меня передать вам, что благодарит за приветствие. Он выразил надежду, что не так далек тот день, когда он вернется в наши ряды на работу».

В зале вновь разразилась буря аплодисментов. Во время конференции у меня, да и у ряда других делегатов возникло недоумение, почему Сталин, в ту пору уже Генеральный секретарь ЦК партии, держался на этой конференции так подчеркнуто скромно.

Кроме краткого внеочередного выступления – рассказа о посещении Ленина в связи с нашим приветствием, он не сделал на конференции ни одного доклада, не выступил ни по одному из обсуждавшихся вопросов.

Это не могло не броситься в глаза. Зато Зиновьев держался на конференции чрезмерно активно, изображая из себя в отсутствие Ленина как бы руководителя партии. Он, например, выступал с двумя докладами – об антисоветских партиях и о предстоящем IV конгрессе Коминтерна. Сталин, бесспорно, мог бы доложить, скажем, об антисоветских партиях ничуть не хуже его, поскольку материалов и источников информации у него было не меньше, да и знал он этот вопрос не менее глубоко.

Открыл конференцию Каменев. Казалось вполне естественным, чтобы с заключительной речью выступил Генеральный секретарь ЦК партии. Однако, председательствовавший на последнем заседании Зиновьев почему-то предоставил слово для закрытия конференции Ярославскому.

Ретивость Зиновьева я объяснил его особой жадностью ко всяким публичным выступлениям и его стремлением непомерно выпячивать свою персону – этим он уже «славился».

Никаких особых разногласий в Руководстве тогда не было, и в связи с этим чувствовалась общая удовлетворенность делегатов от того, что они продолжают дружно работать и теперь, во время вынужденного отсутствия Ленина.

А.И. Микоян. В начале двадцатых…
Политиздат, М., 1975. С. 193–194

1924 год

С.М. Буденный, январь 1924 года

Я получил предписание сдать армию и выехать в Москву. Ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад и все же несколько растерялся. Не представлял себе, как буду жить без Конармии, без постоянной заботы о ней. <…>

…И вот я в Москве. Явился к Главкому. Уточнили, что входит в мои обязанности. Как говорится на официальном языке, принял дела от А.А. Брусилова. Вскоре меня пригласил к себе Сталин. В его комнате находился Калинин.

Сталин поздравил меня с назначением на новую должность, сказал, что партия сейчас принимает важные решения, и одним из них является укрепление Красной Армии, восстановление коневодства.

– Это то, что будет относиться к вашей компетенции, Семен Михайлович, – сказал мне Сталин. – Надеемся, что вы умело станете выполнять новые обязанности. – Постараюсь, Иосиф Виссарионович.

– Уверен, справитесь, дело вам знакомое, немного и крестьянское, – поддержал меня Калинин.

– Наша партия – руководящая, – продолжал Сталин. – Но ее руководящая роль должна выражаться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты становились люди, способные понять наши директивы и способные провести их в жизнь честно. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. А любителей махать руками, к несчастью, у нас еще немало.

– И сановников тоже, – добавил Калинин.

– Да, и сановников.

Обстановка в стране была напряженная. Кулаки, торговцы, используя нэп, поднимали голову. Хозяйственный аппарат только еще сколачивался. Кадров не хватало <…>

Оппозиционеры обвиняли Сталина и других членов ЦК в бюрократизме, отрыве от масс, неумении решать хозяйственные вопросы и т. п., и вместе с тем, Троцкий высокомерно отказывался занять какой-либо пост в советских органах (в СТО, Совнаркоме, Госплане), хотя ЦК дважды предлагал ему это.

– Троцкий ведет себя вызывающе, – сказал Иосиф Виссарионович, – противопоставляет себя ЦК. На одном из пленумов ему заметили, что член ЦК не может отказываться от исполнения решений ЦК. Он сорвался и покинул заседание. Пленум направил к Троцкому целую «делегацию» с просьбой вернуться. Он категорически отказался.

«Капризничает, – подумал я. – Ведет себя, как кисейная барышня, а еще коммунист.» И сказал вслух:

– Ну и пусть не возвращается, невелика потеря. Калинин улыбнулся. – Говорите, пусть не возвращается? – спросил Сталин. —

Но другие уже подняли крик: мы обидели Троцкого… Владимир Ильич тяжело болен. Оппозиция поднимает голову. Им не нравится партийная дисциплина, требуют свободы фракций. Керзоны, всякая белогвардейская шваль, меньшевики только и ждут, что в нашей партии начнется стычка. Между прочим, платформу сорока шести подписал и Бубнов. Вероятно, по недоразумению, – добавил Сталин.

– Мало знаю его, в бою с ним не был – проговорил я.

– Хорошо сказано: в бою с ним не был, – заметил Михаил Иванович. Я передал Сталину мнение Ворошилова и мое о положении в СКВО.

– Да, – коротко сказал Сталин. – ЦК принимает самые решительные меры.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 322, 323–324.

Часть II
Период строительства Советского государства (1925–1941 годы)

1928 год

С.М. Буденный, декабрь 1928 года

Характерно, что сам народ не давал в обиду Первую Конную. В связи с этим невольно вспоминается история с книгой И.Э. Бабеля «Конармия», отрывки из которой в 1924 году опубликовал журнал «Красная новь». Как только рассказы Бабеля были опубликованы, в редакции центральных газет, в Реввоенсовет Республики и ко мне посыпались письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор тенденциозно освещает жизнь конармейцев, умышленно гиперболизирует, обобщает частные недостатки, что своим произведением Бабель бросает тень на всю Красную Армию. <…>

Полемика об этой книге продолжалась и в 1928 году. Тогда в газете «Правда» 26 октября было опубликовано мое открытое письмо, а 28 ноября – Алексея Максимовича Горького. На этом бы и поставили точку, но отклики на письма побудили меня подготовить еще одну статью на эту тему.

Статья получилась большой. Я уже собрался отправить ее в редакцию «Правды». Но меня вызвал И.В. Сталин. После обсуждения ряда вопросов, связанных с обороной страны, Сталин неожиданно сказал:

– Читал в «Правде» ваше открытое письмо Горькому и ответ Алексея Максимовича. Вижу, крепко задел вас этот вопрос.

– Очень крепко, товарищ Сталин, – сказал я. – Конечно, в Конармии были случаи грубого нарушения бойцами дисциплины, некоторых мы даже отдавали под суд ревтрибунала. Но ведь это – единицы! А Бабель написал о Первой Конной так, что у читателя создается неверное представление о конармейцах, как и о всей Красной Армии. Я доложил Сталину, что собирался отправить новое письмо в «Правду».

– Могу ознакомиться с ним, прежде, чем оно будет опубликовано? – спросил Иосиф Виссарионович.

– Конечно, товарищ Сталин, – поспешно ответил я.

– Пришлите, пожалуйста, мне его.

– Оно со мной.

– Тем лучше. Я вынул из планшета статью и передал Сталину. Он сел за стол и стал внимательно читать. Не скрою, я очень переживал, что Сталин скажет. Иосиф Виссарионович встал из-за стола:

– Максим Горький сейчас в Италии, болеет и я бы посоветовал воздержаться от публикации письма. Вы правильно ставите вопрос. О бойцах Красной Армии, защитниках Октября, надо писать с любовью и уважением, и я уверен, что эту точку зрения разделяет с нами и Максим Горький. И не надо заострять свой спор с ним, Семен Михайлович. Это только на руку нашим врагам. Вот приедет, и тогда все обсудим.

– Согласен, товарищ Сталин.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 398–400.

1929 год

С.М. Буденный, 1—10 июля 1929 года

Помню, летом 1929 года мы, члены Реввоенсовета, были приглашены в ЦК. Нарком К.Е. Ворошилов докладывал наши соображения о коренной технической реконструкции Красной Армии.

Сталин в основном одобрил наши предложения.

– Ваши специалисты хорошо потрудились, – сказал он. – Расчеты произведены со знанием дела, с учетом большой перспективы. Можете не сомневаться – советский народ даст своей Красной Армии все необходимое для разгрома любого врага. – Сталин помолчал. – И все же кое-что не учтено. Вы упускаете один очень существенный момент. Скоро в войска начнет поступать в большом количестве новая техника. Гото вы ли красноармейцы принять ее? Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. Рабочие, не жалея сил, создадут грозную машину, – танк, самолет. А в чьи руки она попадет? Не получится так, что через несколько дней танк превратится в груду безжизненного, бесполезного для вас металла? Подумайте об этом. Общеобразовательный уровень молодежи, конечно, поднялся, но недостаточно. Еще много малограмотных, есть и совершенно неграмотные – вам это лучше знать.

– Есть, – согласился Климент Ефремович. – Ликбезы в армии продолжают действовать.

– Русские крестьяне, – вновь заговорил Сталин, выслушав Ворошилова, – непосредственно не сталкивались с машинами на протяжении всей истории русского государства. Машина будет ломать не только старую экономику, старые хозяйственные отношения, но и психику людей. Главная задача всей партии на ближайшее время – поднимать народ на овладение техникой. Старый лозунг «Техника в период реконструкции решает все» партия заменяет новым: «Решают все кадры, овладевшие техникой». Сталин прошелся по кабинету.

– Подумайте вот над чем. С техникой меняются тактика и оперативное искусство. Надо заново переучивать всю армию. Как, где будет обучаться высший комсостав? Как организуете подготовку среднего? А командиры отделения? Подумайте над вопросами наиболее полного использования техники… На очереди овладение воздушным океаном для переброски по воздуху грузов. Вполне реальная перспектива – высадки, а может быть, и выброски десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

– И овса не нужно, – заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на меня.

– Авиация не отменяет кавалерию, – усмехнулся в усы Сталин. – А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания у Сталина Центральный Комитет 15 июля 1929 года принял постановление «О состоянии обороны СССР».

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 340–341.

Н.Г. Кузнецов, 26 июля 1929 года

…необычный и неожиданный поход «Червоной Украины», вклинившийся в наши планы в самый разгар летней боевой подготовки, состоялся в июле 1929 года.

Однажды намеченный поход в море на стрельбы и учения отменили. Моряков крейсера, одетых по форме № 1, во все белое с головы до ног, построили на палубе. В глубине

Южной бухты показался большой штабной катер. Когда он приблизился, мы увидели на нем И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. Их сопровождали В.М. Орлов и Г.С. Окунев. Едва гости ступили на крейсер, он снялся с бочки и, быстро развернувшись, лег на Инкерманские створы. Шли неподалеку от берега. Предстояло сделать короткую остановку близ Мухалатки, где отдыхал К.Е. Ворошилов. Спущенный на воду катер доставил к нам Наркома обороны. Вместе с ним прибыла, помнится, дочка Орджоникидзе – девочка лет восьми-девяти. Ей, видимо, очень хотелось побывать на военном корабле. Быстро закончились деловые переговоры. Сфотографировавшись с командой корабля, К.Е. Ворошилов покинул «Червону Украину».

<…> Наши гости, собравшись на мостике, наслаждались вечерней прохладой. И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе были еще не старыми людьми. Оба были одеты в серые кителя. Григорий Константинович, помнится, прислонился к обвесу мостика и о чем-то рассказывал живо, темпераментно, с грузинским акцентом, то и дело жестикулируя. И.В. Сталин часто набивал свою трубку и, как мне показалось, не затягиваясь, выпускал дым. <…>

Смысл беседы высоких гостей остался для меня неведомым: не положено молодому командиру вмешиваться в разговоры большого начальства. Но мне думается, что даже столь короткое пребывание на корабле И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе, ведавшего тогда тяжелой промышленностью, сыграло большую роль в деле строительства флота. Лет шесть спустя, будучи командиром «Червоной Украины», я вновь встретился на этом корабле с Серго Орджоникидзе. Из разговора с ним убедился, что он хорошо знает планы строительства флота. Зрели они годами!

На корме корабля состоялся вечер флотской самодеятельности. Не без помощи «артистов» с других кораблей представление удалось, и, как нам показалось, все остались довольны. В тот вечер, 26 июля 1929 года И.В. Сталин сделал запись в корабельном журнале: «Был на крейсере «Червона Украина». Присутствовал на вечере самодеятельности… Замечательные люди, смелые, культурные товарищи, готовые на все ради нашего общего дела…»

Годы и обстановка изменили впоследствии характер Сталина… 26 июля крейсер бросил якорь на Сочинском рейде, и гости сошли на берег.

Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат, М., 1969. С. 44–46.

1930 год

С.М. Буденный, конец ноября 1930 года

В конце сентября 1930 года я предложил Клименту Ефремовичу в связи с приближающейся десятой годовщиной разгрома Врангеля провести в стране «Декаду обороны».

Ворошилов одобрительно отнесся к моему предложению, однако сказал, что решать такие вопросы прерогатива ЦК партии.

– Доложите об этом Сталину, – сказал он.

Однако, Сталину я так и не смог доложить. Это сделал сам Ворошилов как председатель РВС СССР. Спустя несколько дней, 5 октября, уже было принято постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу. ЦК партии согласился с предложением Реввоенсовета о проведении «Декады обороны».

Прошла «Декада обороны» с 15 (день окончательного разгрома Врангеля) по 25 ноября. Миллионы советских людей приняли в ней активное участие. Этим они выразили горячую любовь к армии и флоту, готовность сделать все возможное, чтобы еще выше поднять боеготовность Советских вооруженных сил, укрепить их могущество.

Вскоре по каким-то делам меня вызвал Сталин. Обсудив необходимые вопросы, он вдруг спросил:

– А почему вы не пришли ко мне насчет «Декады обороны»? Я растерянно пожал плечами:

– Не решился, товарищ Сталин. Свое мнение я доложил председателю Реввоенсовета.

– Ну и зря, – жестко сказал Сталин. – Вы являетесь членом Реввоенсовета и обязаны добиваться решения всех вопросов. Плохо, что не пришли. А декада прошла хорошо.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 343–344.

1931 год

В.С. Емельянов, февраль 1931 года

Нам, работникам оборонной промышленности, поручено самое важное – создание средств защиты нашего государства. Государства, за которое отдали свою жизнь многие тысячи борцов, за которое мы вели бои с многочисленными врагами, внутренними и внешними. Кем были мы еще несколько лет назад, до Октябрьской революции? Какой была тогда наша страна?» Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь?» – об этом напомнил нам И.В. Сталин в феврале 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Тогда же он говорил о необходимости увеличивать темпы нашего движения вперед.

«Задерживать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!» И передо мной как на табло загорелись слова: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».

Каждая фраза этого выступления буквально жгла своей правдой, призывая к тому, чтобы возможно быстрее поднять нашу индустриальную мощь – нам это поручено в области военной техники. Мы должны это сделать – и сделаем. Как бы это ни было трудно. Как важно, чтобы все участвующие в нашем великом деле отчетливо понимали это.

В.С. Емельянов. На пороге войны.
Советская Россия, М., 1971. С. 63–64.

1932 год

С.М. Буденный, 1932 г.

Реввоенсовет СССР работал очень напряженно. Коренная перестройка Вооруженных Сил требовала не только сил, опыта, но и знаний. Следовало совершенствовать теорию военного дела и методику подготовки войск. Надо было учиться прежде всего нам, высшему командному составу, чтобы обогатить себя знаниями и успешно обучать подчиненных.

Мне самому очень хотелось учиться в академии им. М.В. Фрунзе. Однако, все мои попытки ни к чему не приводили. Нарком обороны, выслушав однажды мою просьбу, усмехнулся:

– Вам скоро пятьдесят, Семен Михайлович, а в академии учатся молодые. И на вас лежит ответственная работа.

– Но ведь можно при академии создать курсы?

Климент Ефремович пожал плечами:

– Ну, сам я не могу решать такой вопрос…

– А что делать?

– Обратитесь к Сталину.

Вскоре после одного из совещаний у И.В. Сталина, когда в кабинете остались лишь В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, я доложил о разговоре с наркомом, закончив:

– Не разрешает мне учиться Климент Ефремович!..

– Учиться никогда не поздно, – заметил Сталин. Помолчал, раскурил трубку и словно рассуждая вслух: – Воевали вы неплохо. Но время гражданской войны кануло в прошлое. Теперь война – если, разумеется нам не удастся предотвратить ее – будет носить совершенно другой характер. Все это требует от вас, военных, новых знаний, умения командовать войсками в новых условиях. Я тоже считаю, – продолжал Иосиф Виссарионович, – что вам обязательно нужно подучиться в академии. И не только вам… – Сталин глянул на Ворошилова. – Пожалуй, Буденный прав, надо при академии создать специальную группу, где могли бы учиться военачальники, разумеется, без освобождения от основной работы. Подумайте, Климент Ефремович… <…>

Итак, в академии была создана особая группа, в которую входили высшие командиры, имевшие богатый боевой опыт и проявившие незаурядные военные способности, но не получившие военного образования. Мне разрешили учиться только без отрыва от исполнения служебных обязанностей. <…>

Чтобы было понятно, насколько сложно и трудно было учиться тем командирам, которые сочетали свою учебу с работой, я приведу примерный распорядок своего рабочего дня. В 7.00 – подъем, физзарядка, завтрак. С 8.00 до 14.00 – занятия в академии. С 14.00 до 15.00 – обед, а затем до 24.00 – работа в инспекции кавалерии, в комиссиях, на различных конференциях. В 24.00 – ужин и до 3.00 – подготовка к занятиям в академии.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 355–356, 357.

С. М. Буденный, 1932–1933 годы

У меня со Сталиным было немало встреч, бесед по многим вопросам. Мне нравились в характере Сталина такие черты, как прямота, откровенность, твердость. Не могу не сказать,

как однажды Сталин едва не объявил мне выговор. А было это так. Нам, группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, предстояло выполнить прыжки с парашютом. С этой целью выехали на учебный аэродром. День выдался погожий. С набором высоты самолет стало слегка покачивать. Настроение у меня бодрое, хотя еще ни разу не прыгал.

Секунда – лицом ощутил упругий ветер… Не стану описывать чувства, которые владели мной в те минуты, скажу одно: прыжок прошел успешно. И на земле выполнил поставленную задачу (в полет я уходил командиром батальона).

Вскоре состоялся выпуск слушателей академии, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Торжественное собрание проходило в Кремле. После официальной части состоялся прием.

Там Роберт Петрович Эйдеман, бывший командарм 13-й армии, поднял тост за меня. Он начал рассказывать, как я учился. Роберт Петрович говорил, что Буденный, несмотря на свой высокий пост и солидный возраст, учился старательно.

Когда Эйдеман упомянул о прыжке с парашютом, Сталин серьезно сказал:

– Товарищ Буденный, а кто вам разрешил это делать? Ведь членам правительства нельзя водить машины, дрезины по железной дороге, а вы вдруг прыгнули с парашютом? Вы нарушили партийную дисциплину.

Сталин глянул в сторону Ярославского: он в то время был председателем ЦКК.

– Товарищ Ярославский, разберитесь в партийном порядке…

Тут уж не до веселья. Чувствовал себя очень неловко, но все же решительно возразил:

– Товарищ Сталин, я выполнял прыжок с парашютом не как член правительства, а как слушатель академии, который обязан пройти всю учебную программу.

Меня поддержал начальник академии. Наступила пауза. Потом Сталин сказал:

– Ну, если товарищ Буденный делал это по долгу службы, тогда другой разговор…

Весной 1933 года Сталин пригласил меня к себе.

– Семен Михайлович, – сказал Иосиф Виссарионович, – поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас. И Сталин крепко пожал мне руку.

– Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот вечер мы долго беседовали, вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном… Когда я уходил, Сталин сказал:

– Семен Михайлович, у нас с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите? Я не растерялся:

– А вы мне свою?

– Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин извлек из стола свою фотокарточку и написал: «Создателю красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И.В. Сталина».

Этот портрет с надписью висит у меня в кабинете.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 403–404.

1935 год

И. М. Майский, 29 марта 1935 года

29 марта Сталин принял Идена. Встреча происходила в Кремле, в кабинете предсовнаркома В.М.Молотова. Присутствовали Сталин, Молотов, Литвинов и я, а с английской стороны – Иден и английский посол в Москве лорд Чилстон. Мне пришлось идти по коридору вместе с Иденом, и я заметил, что Иден сильно волновался в связи в предстоящей встречей. Все мы были одеты в обычные костюмы с галстуками – только Сталин составлял исключение: на нем была серая тужурка, серые брюки и высокие сапоги. Он был спокоен и бесстрастен. Переводил, в основном, Литвинов, иногда помогал ему я. Центральным предметом разговора являлась опасность войны. Сталин прямо поставил Идену вопрос:

– Как вы думаете, опасность войны сейчас больше или меньше, чем накануне 1914 года? Иден был не совсем определенен, но все-таки из его ответов явствовало, что опасность войны в 1914 г. была больше. Сталин возразил:

– А я думаю, что сейчас эта опасность больше В 1914 году имелся только один очаг военной опасности – Германия, а теперь два – Германия и Япония.

Иден подумал и признал, что мнение Сталина имеет под собой серьезное основание.

Потом говорили о других международных проблемах, рассматривали висевшую на стене карту мира и в конце концов пришли к утешительному выводу, что во всяком случае между СССР и Англией сейчас нет никаких серьезных вопросов спорного характера

И. М. Майский. Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения. М., 1987. С. 317–318.

В. Г. Грабин, 14 июня 1935 года

<…> 14 июня 1935 года я приехал на полигон очень рано: хотелось все проверить, во всеоружии встретить день, который неизвестно, что мог мне принести. <…>

<…> И действительно, буквально за три-пять минут до начального срока из проходной на полигоне показалась группа людей. Впереди в кожаном пальто шел К.Е. Ворошилов, несколько позади – И.В. Сталин в сером летнем пальто, в фуражке и сапогах, рядом шагал В М. Молотов в темном реглане и в шляпе, чуть поодаль – Т.К. Орджоникидзе в фуражке защитного цвета со звездочкой и в сапогах, почти рядом с ним – В.И. Межлаук в серой шляпе и в сером летнем пальто, а с обеих сторон и сзади шли неизвестные мне военные и штатские. <…>

<…> Они прошли к правофланговому орудию, к универсальной пушке «Красного путиловца», поздоровались с Махановым, и тот с добродушной улыбкой начал свой доклад. Мне очень хотелось услышать его, но я стоял далековато и почти ничего не слышал. Время идет, а Маханов все рассказывает. По всему видно, что обстановка довольно-таки непринужденная. Часто даже смех раздается. Для полного успокоения мне нужно было бы слышать Маханова, который, как видно, довольно подробно касается конструкции отдельных механизмов и агрегатов.

Я начал было подумывать над тем, что слишком заузил свой доклад, и стал мысленно его расширять, как вдруг слышу:

– Товарищ Маханов, вы слишком подробно… Пожалуйста, нельзя ли покороче? Это сказал Ворошилов. Маханов мгновенно умолк, на лице его появилась растерянность. Видя это, Сталин заметил Ворошилову:

– Зачем вы его сбиваете, пусть он докладывает, как приготовился. – И затем Маханову: – Продолжайте!..

Маханов оживился, слегка улыбнулся и стал продолжать. Я думал, как же мне докладывать? Коротко или длинно? Посмотрел, сколько выставлено пушек, и решил: коротко! <…>

Осмотр универсальной пушки окончился, все направились к нашему орудию. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Мысли спутались. Казалось, вот-вот я потеряю самообладание.

Послышался голос Ворошилова:

– Товарищ Грабин, расскажите о своей пушке.

Начал я не сразу. Рука сама было потянулась в карман, где лежала заготовленная шпаргалка, и тут же мне стало стыдно. Что я, не знаю своей пушки? <…>

Начал с пушки Ф-22. Сказал о ее назначении, перечислил основные показатели – габариты, вес в походном и боевом положении, начальную скорость снаряда, дульную энергию, или иначе говоря, мощность, которая может быть повышена. Отметил, что примененная нами новая гильза способна вместить увеличенный заряд пороха: повышение мощности пушки может потребоваться для пробивания брони более совершенных танков. Сейчас пушка способна уничтожить любой танк из находящихся на вооружении других армий, но мы думаем, что мощность броневой защиты будет наращиваться за счет толщины брони и за счет научно-исследовательских и конструкторских достижений – путем нахождения наиболее невыгодного для снаряда угла встречи с броней, чтобы достичь большего рикошетирования, и за счет повышения качества стали. Подчеркнув большую скорострельность Ф-22 в сравнении с трехдюймовкой и то, что Ф-22 соответствует всем тактико-техническим требованиям Артиллерийского управления НКО, предъявленным к полууниверсальной пушке, но она на 550 килограммов легче и создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, что очень существенно, особенно, в случае войны. <…>

Вопросов мне было задано немного. Я не понял, удовлетворил ли всех мой доклад. Руководители партии и правительства направились к следующей нашей пушке, а ко мне подошел директор и сказал, что я был слишком краток и что о второй пушке он сделает сообщение сам. Его заявление меня потрясло. Не успел я опомниться – он уже докладывал. Но и Леонард Антонович проговорил недолго. Все направились к полууниверсальной пушке завода имени Калинина, откуда стал доноситься голос В.Н. Сидоренко, начальника КБ, а я стоял и тяжело переживал свою неудачу. Очень жалел, что не доложил также подробно, как Маханов, но уже было поздно. Не пойдешь и не попросишь еще раз выслушать тебя по поводу той же пушки. Не было никакой возможности исправить положение, хоть уходи. В общем, горькие мысли прямо роились в моей усталой голове. Вдруг вижу: Сталин отделился от всей группы и направился в мою сторону.

Что это может означать, почему вдруг он направился опять на правый фланг? Я продолжал стоять в стороне, но все мои мысли, только что меня волновавшие, мгновенно испарились, меня стало занимать лишь то, что Сталин идет в мою сторону. А Сидоренко продолжал докладывать о своей пушке.

Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей «желтенькой», остановился и стал внимательно знакомиться с ними.

Я все еще стоял в стороне, затем подошел. Сталин обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действия всех типов снарядов по цели, бро-

непробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

– Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая.

Мне было приятно слышать столь высокую оценку, но я ничего не сказал, а Сталин повернулся и пошел к группе, которая слушала доклад о следующей пушке. <…>

Затем направились к 122-миллиметровой корпусной пушке А-19, находящейся на вооружении армии, осмотрели еще ряд орудий, в том числе 203-миллиментровую гаубицу Б-4. За это время не было ни одного перерыва на отдых. Наконец пришли к последнему орудию большой мощности. Докладывал начальник КБ Магдасеев. Он был краток. Орудие произвело благоприятное впечатление. Сталин поговорил с рабочими завода, среди которых были и пожилые и молодежь. Поинтересовался, как старшие передают свой опыт молодым и как молодые его воспринимают. В конце беседы сказал:

– Хорошо, что вы дружно работаете. Всякая даже маленькая драчка пагубно отражается на деле.

На этом ознакомление с материальной частью артиллерии было закончено. Руководители партии и правительства и другие товарищи направились к блиндажам, чтобы оттуда наблюдать стрельбу. <…>

Как только орудие подготовили к бою, последовала команда «огонь». Все прильнули к щелям. Грянул выстрел. Полуавтоматический затвор не сработал. Замковый вручную открыл затвор, выбросил гильзу. Последовал второй выстрел, затем третий… Полуавтоматический затвор чаще отказывал, чем работал. Наконец, было сделано положенное число выстрелов, подали команду «отбой».

Надо сказать, не только Маханов переживал неудачу, но и я вместе с ним: как-то поведет себя полуавтоматический затвор на наших пушках? И вот команда нашему орудию: «Огонь!» Орудийный расчет выполнил команду четко, это было приятно, но нервы мои сильно напряглись.

Орудие! Грянул выстрел, полуавтоматический затвор сработал. Затем второй, третий выстрел и… последний. Все в порядке. От волнения и радости у меня даже дух захватило. Как только орудие умолкло, Сталин сказал Маханову:

– Ваша пушка отказывала, а пушка Грабина работала четко, приятно было смотреть.

– Грабин – мой ученик, – ответил Маханов.

– Это хорошо, – сказал Сталин, – но он вас обскакал. Стрельба продолжалась.

Это было зрелище внушительное. Началось с 76-миллиметровых пушек и закончилось самыми крупными калибрами. Трудно передать словами всю красоту этой стрельбы – она показывала, насколько мощна наша артиллерия. Когда закончилась стрельба из последнего орудия, Сталин произнес: «Все!» – и отошел от амбразуры. Выйдя из блиндажа, заговорил негромко, как бы думая вслух:

– Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибаться при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но уже есть. Их надо растить.

Мы с Махановым шли рядом с ним, я справа, а он слева, но ни я, ни он не промолвили ни слова – было ясно, что Сталин не с нами ведет этот разговор. Потом он остановился. Остановились и мы. Сталин сказал:

– Познакомьтесь друг с другом. Мы в один голос ответили, что давно друг с другом знакомы.

– Это я знаю, – сказал Сталин, – а вы при мне познакомьтесь. Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, и мы пожали друг другу руки.

– Ну вот и хорошо, что вы при мне познакомились, – сказал Сталин.

Я не мог ничего понять. Сталин обнял нас обоих за талии и мы пошли к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин опять остановился и сказал:

– Товарищ Маханов, покритикуйте пушки Грабина. Этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

– О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

– Товарищ Грабин, покритикуйте пушки Маханова.

Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

– Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел о том, что сказал.

«Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, – рассуждал я мысленно, – ну, а раз спросили!..»

Помолчав немного, Сталин предложил мне:

– А теперь покритикуйте свои пушки.

Этого я совершенно не ожидал. Ждал или не ждал – неважно. Умел критиковать чужую пушку, сумей покритиковать и свои. И тут меня очень выручил стиль нашей работы, – то, что мы всегда объективно оценивали нами сделанное. Строго оценивались на описанном мною совещании и эти пушки. Я рассказал о недостатках. Перечислял их, объяснял, как они могут быть устранены, и в заключение сказал, что устранение дефектов значительно улучшит боевые качества пушек. От своей самокритики я даже вспотел.

Сталин сказал:

– Хорошо вы покритиковали свои пушки. Это похвально. Хорошо, что, создав пушки, вы видите, как они могут быть улучшены. Это значит, что ваш коллектив будет расти, прогрессировать. А какую из ваших пушек вы рекомендуете принять на вооружение?

Опять неожиданный вопрос. Я молчал. Сталин спросил еще раз. Тогда я сказал, что надо бы прежде испытать пушки, а потом уже давать рекомендации.

– Это верно, но учтите, что нам нужно торопиться. Времени много ушло и оно нас не ждет. Какую же вы рекомендуете? Я сказал, что рекомендую «желтенькую».

– А почему именно эту, а не другую?

– Она лучше, чем Ф-20.

– А почему она лучше?

– Ф-22 мы проектировали позже, чем Ф-20, учли и устранили многие недостатки.

– Это хорошо. А теперь мы отправим вашу пушку в Ленинград, пусть военные ее испытают. Я правильно понял вас, что в ней нет ничего заграничного?

– Да, товарищ Сталин, она создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании.

– Это замечательно, – сказал Сталин.

Похвалу слышать было приятно, но отдавать военным для испытаний опытный образец пушки – такого в практике проектирования никогда не было. Всегда КБ предварительно отлаживало, испытывало опытный образец, а потом сдавало его заказчику. Никогда еще не бывало, чтобы опытный образец без заводских испытаний был направлен на полигонные.

– Ну что ж, не бывало, так будет, – сказал Сталин.

Я пытался доказать, что совместить заводские испытания с полигонными невозможно: у каждой организации свой подход. Когда завод испытывает и обнаруживает дефекты, он их устраняет и изменяет чертежи, то есть по ходу испытаний дорабатывает пушку. Полигон же

стремится выявить в новой пушке как можно больше дефектов и все, что выявляет, записывает, после чего делает свои предложения и выводы. Я боюсь, что мы не сумеем одновременно испытывать и дорабатывать пушку. Как бы не удлинился период отработки и испытания. ((…))

– Поймите, – сказал Сталин, – что нужно экономить время, иначе можно опоздать. Отправим пушку сразу на полигон, ускорим решение вопроса…

Лишь впоследствии я понял весь смысл этих слов: «Нужно экономить время, иначе можно опоздать».

В.Г. Грабин. Оружие победы.

Политиздат, М., 1989. С. 113, 114–117, 118–121.

В.Г. Грабин, 15 июня 1935 года

Открылась дверь зала заседаний, и оттуда стали выходить люди. Пригласили нас. Входили по старшинству. Зал заседаний был значительно больше. Один стол стоял поперек, за ним сидел Молотов; за другим, длинным столом, приставленным к первому, – Орджоникидзе, Ворошилов, Межлаук и другие члены правительства. Сталин стоял у окна. Было очень много военных и гражданских специалистов. За столом все не поместились, некоторым пришлось сесть у стен, где стояли стулья и кресла.

Вел совещание Молотов. Он объявил, какой рассматривается вопрос, и предоставил слово комкору Ефимову. Тот доложил кратко. Он рекомендовал принять на вооружение 76-миллиметровую универсальную пушку завода «Красный путиловец». После его доклада выступили военные специалисты, которые поддерживали предложение Ефимова. Затем слово было предоставлено Маханову. Тот кратко рассказал о пушке и подчеркнул преимущества именно универсальной дивизионной пушки. После него было предоставлено слово Сидоренко, который рекомендовал свою 76-миллиметровую полууниверсальную пушку 25К. Он коротко ее охарактеризовал и заявил, что полууниверсальная пушка лучше универсальной и что по этому пути идет и Англия. После него выступили многие, но никто не рекомендовал ни нашу Ф-22, ни даже полууниверсальную Ф-20. Все пели гимны универсальной пушке. Только в ней выступающие видели то, что нужно в армии.

Сталин непрерывно расхаживал по залу. Несколько раз он подходил ко мне и задавал вопросы, относящиеся к нашей пушке, а также к универсальной и полууниверсальной. Когда он первый раз остановился у спинки моего стула и, наклонившись, спросил: «Скажите, какая дальность боя у вашей пушки и ее вес?» Я попытался встать, но он прижал руками мои плечи: «Сидите, пожалуйста». Пришлось отвечать сидя. Сталин поблагодарил, отошел и продолжал расхаживать.

После выступления инспектора артиллерии Роговского, который высказался за универсальную пушку, Молотов объявил:

– Слово предоставляется конструктору Грабину.

Я даже вздрогнул. До стола председательствующего, куда выходили все выступавшие, шел как во сне, никого не видя и ничего не слыша. Путь показался мне очень долгим.

Заговорил я не сразу. Трудность заключалась не только в том, что я впервые выступал на таком совещании, но и в том, что специальная дивизионная пушка никого не интересовала. Можно ли было рассчитывать на успех? Не сразу начал я говорить о Ф-22, а взялся сперва за самый корень – за универсализм и универсальную пушку.

– Да, всем известно, что США занимаются разработкой дивизионной универсальной пушки. Но мы не знаем, приняли ли они на вооружение хотя бы одну из трех своих универсальных пушек Т-1, Т-2 или Т-3. Полагаю, это у них поисковые работы. Трудно допустить,

что после всестороннего анализа универсальной дивизионной пушки они не откажутся от нее. А мы гонимся за ними, американская идея универсализма стала у нас модной.

Я разобрал по очереди все недостатки универсальной пушки тактическо-служебные, экономические (слишком дорогая для массовой дивизионной) и конструктивные. А затем описал нашу 76-миллиметровую пушку Ф-22, указав ее преимущества по сравнению с универсальной и полууниверсальной пушками.

После меня выступили Радкевич, заместитель главного военно-мобилизационного управления Артамонов. Он напомнил, что в Первую мировую войну трехдюймовые скорострельные пушки, легкие и мощные, показывали чудеса в бою. Батареи трехдюймовок появлялись там, где их трудно было даже ожидать, и наносили сокрушительные удары по живой силе и технике противника.

– Предлагаемая на вооружение 76-миллиметровая универсальная пушка, – сказал он, – очень сложна и тяжела, она не сможет сопровождать колесами наступающую пехоту.

Артамонов дал высокую оценку 76-миллиметровой пушке Ф-22 и рекомендовал принять ее на вооружение.

Во время выступления Артамонова Сталин подошел к председательскому столу. Сидевший за ним Молотов сказал Сталину:

– Некоторые товарищи просят разрешения выступить еще раз, а время уже позднее. Сталин ответил:

– Надо разрешить. Это поможет нам лучше разобраться и принять правильное решение.

Стали выступать по второму разу. <…>

Совещание в Кремле проходило очень активно, все держались непринужденно. Мои опасения, что я не сумею совладать с собой, исчезли уже в начале моего первого выступления, а во время второго я совершенно не чувствовал себя связанным и высказывал все, что считал необходимым для правильного решения вопроса. Заседание затянулось, а Сталин попрежнему неутомимо ходил, внимательно слушал, но никого не перебивал. Ко мне он подходил много раз, задавал вопросы и каждый раз клал руки мне на плечи, не давая подняться, чтобы отвечать стоя. Его вопросы касались универсальной и нашей дивизионной пушки. Видимо он сопоставлял их и искал правильное решение.

Найти его было нелегко, так как все высказывались только за универсальную, а за нашу Ф-22 – лишь я, Радкевич да Артамонов. После моего второго выступления в третий раз выступил Маханов. Он настойчиво и упорно защищал свою универсальную пушку, заявлял, что от универсализма не отступится. Наконец список записавшихся в прениях был исчерпан. Молотов спросил, нет ли еще желающих высказаться. В зале было тихо. Сталин прохаживался, пальцами правой руки слегка касаясь уса. Затем подошел к столу Молотова.

– Я хочу сказать несколько слов.

Меня очень интересовало, что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатируется уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана уже неоднократно. Казалось, он каждое слово мысленно взвешивает и только потом произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил: «Это вредно». (Думаю, читатель поймет, какую бурю радости вызвало это в моей груди.) Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

– Отныне вы, товарищ Грабин, занимайтесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, – зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать. Речь была предельно ясной и короткой. Закончив выступление, Сталин пошел в нашу сторону. Когда он поравнялся со мной, к нему подошел Егоров и сказал:

– Товарищ Сталин, мы можем согласиться принять пушку Грабина, только попросили бы, чтобы он сделал к ней поддон для кругового обстрела.

Сталин спросил меня:

– Можете к своей пушке сделать поддон?

– Да, можем, но он нашей пушке совершенно не нужен.

– Значит, можете?

– Да, можем.

– Тогда и сделайте, а если он не понадобится, мы его выбросим. – Хорошо, поддон будет сделан. В это время к нам подошел Радкевич:

– Товарищ Сталин, для того чтобы завод мог уже сейчас начать подготовку производства, хотелось бы знать, ориентируется ли правительство на нашу пушку?

– Да, ориентируется, – ответил Сталин.

В.Т. Грабин. Оружие победы.

Политиздат, М., 1989. С. 125–128.

А.С. Яковлев, 12 июля 1935 года

12 июля 1935 года для руководителей партии и правительства был организован показ достижений воздушных спортсменов Центрального аэроклуба.

Задолго до приезда гостей всех нас, конструкторов, летчиков, планеристов, парашютистов, авиамоделистов, собрали на Тушинском аэродроме.

Вместе со своей техникой – самолетами, планерами, моделями – мы толпились в западном секторе Тушинского поля в излучине реки Москвы. Все напряженно смотрели в сторону ворот аэродрома, на Волоколамское шоссе. Ожидая гостей, настороженно посматривали мы на хмурое небо и низкую облачность, которые могли помешать нашему празднику.

И вот одна за другой, переваливаясь по неровностям, показались в отдалении тяжелые черные автомашины. Одна, вторая, третья… Они подъехали и остановились недалеко от нас. И вдруг видим, как из машин выходят И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.В. Косарев. За ними идут еще люди – военные и штатские, но я тогда видел только троих. С Климентом Ефремовичем я уже был знаком. Секретаря комсомола Косарева знал хорошо.

Сталина близко я видел впервые: в сером коверкотовом однобортном пальто-макинтоше, такого же материала фуражке, в мягких шевровых сапогах.

Сталин и его спутники тепло с нами поздоровались, держались очень просто, и сразу же началась оживленная беседа с авиаспортсменами. Стал накрапывать дождь, и мы испугались, как бы не отменили программу. Но дождь вскоре прекратился, и показ всех видов авиационного спорта состоялся.

Открыли его планеристы. <…>

После этого летчик Алексеев на самолете У-2 продемонстрировал номер: «первый самостоятельный вылет ученика на самолете» <…>

Полет всем очень понравился. Гости смеялись и аплодировали. Вслед за этим летчик Алексеев на том же самолете должен был показать штопор и посадку самолета при выходе из последнего витка. Вообще говоря, трюк этот многократно был прорепетирован. Но Алексеев увлекся, и, когда ему после нескольких витков штопора уже надо было выводить, он, по-видимому, решил подвести машину еще ближе к земле, и все с ужасом увидели, как самолет в состоянии штопора скрылся за крутым берегом Москвы-реки. Гибель летчика была неизбежна. Фонтан брызг показал, что У-2 упал в реку. Туда помчались автомашины. Все находились в напряженном ожидании, но ждать пришлось недолго. На большой скорости с места происшествия подъехала санитарная машина, из нее, ко всеобщему изумлению, вылез живой, невредимый, крайне сконфуженный летчик Алексеев и отрапортовал Ворошилову:

– Товарищ народный комиссар! Летчик Алексеев потерпел аварию.

Он объяснил, что у него в последнюю минуту перед выводом из штопора нога соскользнула с педали.

Конечно, это было наивное объяснение. Летчик, зарвавшись, допустил грубейшую ошибку. Тем не менее все были очень рады, что он жив. Сталин подошел к нему, пожал руку и обнял.

Затем показали новые спортивные и учебные самолеты. Они, в том числе и наш УТ-2, взлетели один за другим и пошли в сторону деревни Павшино. Над Павшином на высоте 150–200 метров выстроились в одну линию, подошли к границе аэродрома, и тут летчики сразу дали полный газ. Машины стали обгонять одна другую, резко прибавляя скорость. Раньше всех отстала учебная старушка У-2. Потом начали отставать другие машины. УТ-2 вырвалась вперед и первой промчалась над центром аэродрома.

Сталин спросил, чья машина. Ему сказали, что машина конструктора Яковлева. И тут Ворошилов представил меня Сталину.

После посадки Пионтковский подрулил туда, где стояли Сталин и Ворошилов, и мы, взволнованные и радостные, начали рассказывать о своем самолете и его особенностях.

Сталин подошел ближе к машине, постучал пальцем по крылу.

– Дерево? – спросил он.

– В основном сосна и березовая фанера, – ответил я.

– Какая наибольшая скорость?

– 200 километров в час.

– А у самолета У-2?

– 150.

– А на какой машине лучше готовить летчиков для истребителей И-16? На У-2 или на этом? – спросил Сталин у толпившихся вокруг летчиков.

– Конечно, на этом, – зашумели все в один голос.

– А почему?

– Да ведь у этой скорость больше и она моноплан, так же, как И-16, а У-2 – биплан.

– Выходит, что надо переходить на эти, более современные машины? – Правильно, – в один голос ответили летчики.

– А на каком заводе строили вашу машину? – обратился Сталин ко мне.

– В кроватной мастерской на Ленинградском шоссе.

– Как-как?.. В кроватной?!

И тут я коротко рассказал о своих трудностях и о том, как наш конструкторский коллектив попал в кроватную мастерскую.

Сталин одобрил нашу работу. Потом поинтересовался, какой мощности мотор, нельзя ли увеличить скорость самолета и что для этого нужно сделать. Он заметил, что учебные машины должны быть такими, чтобы ими без труда могла овладевать масса летчиков.

Праздник был завершен прыжками парашютистов.

Показ оказался удачным. Наши гости, участники и организаторы праздника остались очень довольны и решили сфотографироваться на память об этом смотре, сыгравшем большую роль в развитии массового авиационного спорта в нашей стране. Образовалась большая группа, на которую фотографы и кинооператоры направили свои объективы. Я, помню, задержался около своего самолета и когда подошел, то был в замешательстве, потому что вся группа уже укомплектовалась. Сталин поманил меня пальцем, предлагая сесть поблизости от него. И положил на мое плечо свою руку. Так и запечатлел нас фотограф в этот замечательный момент моей жизни.

На этом смотре мне впервые довелось разговаривать с руководителями партии и правительства и познакомиться со Сталиным.

Вскоре после тушинского показа самолет УТ-2 прошел государственное испытание и был принят на вооружение военно-воздушных сил в качестве самолета первоначального обучения для летных школ и аэроклубов.

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 76–79.

1936 год

А. В. Беляков, 25 мая 1936 года

21 мая (1936 года) самолет М. В. Водопьянова доставил четырех отважных зимовщиков на Северный полюс. Молнией облетело весь мир сообщение о блестящей высадке советской экспедиции на дрейфующую льдину. И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров остались на ней с запасом продовольствия и научными приборами на много месяцев. Чкалов тогда не выдержал и позвонил Молотову. Он просил его сообщить, каково же мнение Сталина о нашем предложении лететь в Северную Америку.

– А как у вас с материальной частью? – спросил Молотов.

– Все готово.

– Как все готово? Ведь разрешения нет!

– А мы на всякий случай… Молотов рассмеялся:

– Хорошо, товарищ Чкалов. На днях обсудим ваш вопрос.

И действительно, через несколько дней, 25 мая, Чкалова вызвали к телефонному аппарату и сообщили, что нас приглашают на совещание в Кремль.

Я в тот день был в полете. На совещание поехали Чкалов и Байдуков.

Только поздно вечером, когда я пришел к Чкалову, у которого уже был Байдуков, они, перебивая друг друга, рассказали мне о том, что было в Кремле.

Еще по дороге в Кремль Чкалов и Байдуков самым тщательным образом подготовились к своему докладу. Наиболее «спорным пунктом» оставался вопрос о том, как сказать, что машина уже готова к перелету.

– Наш доклад должен быть кратким и убедительным, – говорил Чкалов. – Надо все рассчитать по минутам.

Они так спешили на прием, что забыли получить пропуска и вспомнили о них только в воротах Кремля. Остановились в раздумье. Как быть, не вернуться ли за пропусками? Но подошедший дежурный взглянул на них и улыбнувшись сказал:

– Пропусков не надо. Вас уже ждут.

Чкалов и Байдуков вошли в зал, где кроме них было много летчиков. В 16 часов за дверью послышались шаги и в зал вошли Сталин, Молотов, Ворошилов. Байдуков начал рассматривать кабинет Сталина и заметил у него на письменном столе модель нашего самолета. У Байдукова сразу же отлегло от сердца. Иосиф Виссарионович, поглядывая на них с улыбкой, спросил:

– Что, опять земли не хватает? Опять собираетесь лететь?

– Да, товарищ Сталин, – ответил Чкалов, – время подходит, пришли просить разрешения правительства о перелете через Северный полюс. Все сидящие за столом смотрели на них и улыбались.

– Куда же вы собираетесь лететь? Кто будет из вас докладывать? – вновь спросил Сталин. Чкалов начал рассказывать наши планы и просить разрешения совершить перелет.

– Экипаж – наша прошлогодняя тройка, – сказал Чкалов, – готов к полету, самолет также приготовлен…

Он дал характеристики нашего самолета, на котором можно было бы совершить полет через Северный полюс в Северную Америку. Напомнил, что свой предыдущий полет мы прервали из-за метеорологических условий, имея в баках тонну бензина. И так увлекся, что едва не рассказал о том, как, пролетая над Землей Франца-Иосифа, мы чуть было не решили

изменить курс и лететь через Северный полюс в Америку. Байдуков быстро дернул его за пиджак, он замолчал, но Сталин, улыбаясь, сказал:

– Продолжайте, товарищ Чкалов.

Второй раз дернул его за пиджак Байдуков, когда он проговорился о «контрабандных» работах. Позабыв об уговоре, Валерий незаметно для себя рассказал о том, что все подготовительные работы уже сделаны, Байдуков даже изменился в лице, но опять раздался голос Сталина:

– Продолжайте, товарищ Чкалов.

«А вдруг мы поспешили с подготовкой? – с тревогой подумал Чкалов. – Ведь постановления-то правительства нет». Взглянул на Байдукова – в глазах у него та же тревога. Беседа длилась уже более полутора часов. Сталин спросил одного из руководителей авиационной промышленности:

– Так, значит, как обстоит у них дело с машиной?

– Они давно готовы, товарищ Сталин. Ведь вы слышали.

– Да, слышал, – рассмеялся он. – Впрочем, я об этом знал раньше. На душе у Чкалова отлегло. Значит, Сталин знал о нашей «контрабандной» работе. Ну, а если знал о подготовке, значит…

– Что же, разрешим перелет? – спросил Сталин у присутствующих на совещании.

Молотов и Ворошилов сразу же согласились. Принципиально дело было предрешено. Однако Сталин, немного подумав, сказал, что все же следует вызвать и спросить мнение непосредственного руководителя авиационной промышленности…

Ожидая приезда руководителя авиационной промышленности, он начал расспрашивать моих друзей о самолетах, которые они испытывали. В частности, Байдукову пришлось рассказать о новой машине, на которой он недавно установил два скоростных международных рекорда.

Затем разговор перешел на боевые свойства наших истребителей, американских самолетов. Сталин подробно интересовался, что можно взять у американской авиации, чему у них следует поучиться.

В дружеской беседе присутствующие сравнивали свои самолеты с американскими, находя в последних хорошую отделку и поучительные мелочи, которые нам следует перенять.

– Товарищ Чкалов, на нашем самолете все-таки один мотор… – заметил Сталин. – Этого не надо забывать.

– Но мотор отличный. Это доказано, и нет никаких оснований беспокоиться. А кроме того, – пошутил Чкалов, – один-то мотор – сто процентов риска, а четыре – четыреста.

Присутствующие засмеялись. Наступал самый решающий момент. Сталин, задав еще несколько вопросов, немного задумался, а потом сказал:

– Я – за!

Когда первый пункт решения правительства о перелете был записан, Сталин предложил пункт о том, чтобы обязать экипаж в случае прямой опасности произвести немедленную посадку.

Через несколько дней после вызова в Кремль мы переселились в подмосковное местечко Щелково на берегу Клязьмы. Поселились в просторной комнате близ летного поля и начали готовиться к перелету.

А. В. Беляков. В полет сквозь годы.

Воениздат, М., 1988. С. 184–187.

1937 год

А.Н. Комаровский, 22 апреля 1937 года

В горячие весенние дни 1937 года, когда мы готовились к пропуску первых теплоходов, совершенно неожиданно для нас приехали на строительство канала руководители партии и правительства.

В тот день, 22 апреля, я находился на шлюзе № 4. Вдруг из-за поворота показались машины – одна, другая, третья, четвертая… Они быстро проехали к верхней голове шлюза и здесь остановились. Подбежав к передней машине, я увидел, что из нее выходят И.В. Сталин и другие члены правительства. Представившись и коротко доложив обстановку, я пригласил гостей на мост, откуда был виден весь Влахернский узел сооружений – шлюз № 4, насосная станция и красивая панорама канала, перерезающего Галявинский бугор. И.В. Сталин подробно поинтересовался работой отдельных элементов узла, причальных массивов, смыканием судоходного канала с насосной станцией.

Осмотрев этот узел, высокие гости собрались уезжать, но мы пригласили посетить их другой наш узел у 3-го шлюза, где с некоторых архитектурно оформленных сооружений уже были сняты леса.

– Ну, что же, придется уступить строителям, – сказал И.В. Сталин. Остановившись у верхней головы шлюза, гости детально осмотрели сегментный затвор, и вода затопила камеру шлюза. И.В. Сталина особенно заинтересовало крупное отечественное оборудование канала и прежде всего уже смонтированные в то время крупнейшие в мире насосы.

– Где сейчас находится в канале волжская вода? – спросил И.В. Сталин. Мы объяснили, что волжская вода, перекачиваемая насосной станцией № 182, уже подошла к нижней голове шлюза № 3.

С нижней головы шлюза все прошли к зданию распределительного устройства. С берега канала открывался вид на панораму всего Яхромского узла. Мы доложили гостям, что канал пока не готов, что надо выполнить большого объема планировочные и уборочные работы, но что канал откроется в срок. <…>

К маю 1937 года канал со всеми его разнообразными сооружениями и гидроузлами на реках Волга и Москва был закончен и сдан в эксплуатацию с высокой оценкой правительственной комиссии.

А.Н. Комаровский. Записки строителя.
Воениздат, М., 1972. С. 71–72.

А.Г. Зверев, август – сентябрь 1937 года

Однажды поздно вечером, когда я был уже дома, раздался телефонный звонок. Звонили из ЦК ВКП(б). Мне предложили немедленно приехать в Кремль по вызову Генерального секретаря Центрального Комитета партии И.В. Сталина. И хотя мне незадолго до того рассказывали в горкоме партии, что И.В. Сталин интересовался моей работой, все равно вызов к нему был неожиданным. Теряясь в догадках и предположениях, садился я в автомобиль. Главное, что меня заботило, – как вести себя, как держаться в кабинете Сталина? Раньше я его видел только на портретах либо издали во время торжественных заседаний и на трибуне Мавзолея на Красной площади. Никогда не думал, что придется по какому-то поводу встретиться с ним лично, и очень волновался…

Рядом со Сталиным, ни разу не присевшим, стояли еще несколько членов Политбюро, а меня хозяин кабинета усаживал, как гостя на диван. Естественно, я не счел возможным говорить с ним сидя, хотя Сталин несколько раз затем повторял приглашение садиться. Так мы и простояли на протяжении всей беседы.

Разговор шел о должностных назначениях. Назывались знакомые мне фамилии. Затем меня спросили, не в нашем ли районном комитете партии состоит на учете Кругликов. Последнего я знал по его прежней работе в Наркомтяжпроме. Но, когда его назначили председателем Правления Государственного банка СССР, он перевелся в парторганизацию Коминтерновского района Москвы. Сообщив об этом и не ведая еще, что названный пост в то время оказался уже вакантным, я полагал, что меня прочат в заместители к Кругликову, и тут же приготовился отказаться, ссылаясь на то, что я финансист, а не кредитник. Каково же было мое удивление, когда я вдруг услышал от Сталина: «Мы хотим назначить вас председателем Правления Госбанка. Как вы на это смотрите?»

В банках я никогда раньше не работал. Нескольких предыдущих председателей правления, очень толковых людей, постигла неудача, и они были смещены. Между тем они обладали большим опытом, отлично знали кредитное дело. И вдруг такой пост – мне! Я поблагодарил за предложение и прямо заявил, что из меня председателя не получится: в системе банковской я никогда не работал, а пост чересчур ответственный. Сталин предварительно ознакомился с моим послужным списком и теперь заметил:

– Но вы окончили финансово-экономический институт, обладаете опытом партийной, советской, финансовой деятельности. Все это важно и нужно для работы в Госбанке. Я почувствовал себя чрезвычайно неловко: не ценю, мол, оказываемого доверия, к тому же отнимаю время у руководителей партии и правительства. Тем не менее я продолжал отказываться, приводя, как мне казалось, убедительные аргументы. Я сказал, что учился в институте на финансовом факультете, где готовят экономистов, знакомых с бюджетом и финансовым планированием, но не с кредитно-банковским делом. Сталин в ответ начал высмеивать такое деление специалистов и заметил:

– И банковские и финансовые работники проходят в основном одинаковые науки. Если и имеются различия, то только в деталях. На практике все это можно почерпнуть из ведомственных инструкций, да и работа сама научит. Разговор затягивался. Мы касались и других вопросов. Наконец, моей «мольбе» вняли и спросили, кто, на мой взгляд, годится на этот пост. Я попросил разрешения подумать и сообщить несколько имен в течении трех дней, что и было потом сделано. Но, судя по состоявшемуся затем назначению, обошлись без этих лиц. Вероятно, дело решили раньше. А в тот момент со мной распрощались. И только под конец беседы Сталин бросил реплику:

– Ведь вы около четырнадцати лет находились на финансовой работе?

Обдумывая эту фразу по дороге домой, я решил, что вопрос еще не исчерпан. Действительно, в сентябре 1937 года меня назначили заместителем народного комиссара финансов СССР.

Нарком финансов СССР был в то время видный советский и государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совнаркома СССР Влас Яковлевич Чубарь….

А.Г. Зверев. Записки министра.
Политиздат, М., 1973. С. 142–143.

1938 год

В.Ф. Трибуц, январь 1938 года

В январе 1938 года, когда я уже работал в штабе флота, меня вызвали в Москву. В день приезда поздно вечером мы вместе с наркомом ВМФ поехали в Кремль. Не зная причины вызова туда, я, конечно, волновался. После ожидания в течение некоторого времени нас пригласили в кабинет И.В. Сталина. Я видел его впервые. В кабинете находились и некоторые члены Политбюро. Сталин поздоровался с нами, потом, расхаживая по кабинету, он задавал вопросы, касающиеся обстановки на Балтике и в Финском заливе, интересовался состоянием нашего флота и флотов сопредельных государств, просил дать оценку некоторым классам кораблей, их боевым возможностям. На мой взгляд, это было что-то вроде экзамена. Я обратил внимание на знание Сталина многих деталей военно-морского дела, особенно хорошо он был знаком с тактико-техническими данными наших кораблей. Потом Сталин поинтересовался моей личной жизнью, национальностью, образованием. Беседа была довольно длительной.

Вскоре мне сообщили об утверждении меня в должности начальника штаба флота.

В.Ф. Трибуц. Балтийцы сражаются.
Воениздат, М., 1985. С. 5–6.

И.Д. Папанин, 17 марта 1938 года

17 марта в 4 часа дня мы прибыли в Москву. Снова нас ждала дорога, усыпанная цветами.

И вот мы подъехали к Красной площади. Комендант Кремля попросил нас подождать. Быть может, он хотел, чтобы мы немного успокоились, пришли в себя. Мы ждали, и я лихорадочно думал, как много мне надо сказать Политбюро нашей партии, всем тем, кто посылал нас в трудный ледовый дрейф и кто поддерживал нас всю ледовую экспедицию.

Двери Георгиевского зала раскрылись. Мы увидели ослепительно сверкающий зал, длинные ряды красиво убранных столов. Со всех сторон к нам были обращены улыбающиеся, приветливые лица. Крики «ура». Я шел, держа в руках древко с нашим знаменем, привезенным с полюса. За мной шли Ширшов, Кренкель, Федоров.

И вдруг раздался новый взрыв аплодисментов. В зал вошли члены Политбюро. Сталин обнял меня и крепко поцеловал.

Я передал ему Красное знамя и сказал:

– Разрешите вручить вам знамя, с которым мы победили и которое давало нам энергию и волю в борьбе со стихией. Задание Родины нами выполнено! Сталин посадил меня рядом с собой.

– Теперь выпьем, товарищ Папанин, за победу, – сказал он, поднимая бокал. – Работа была трудная, но все мы были уверены, что ваша четверка выполнит ее с честью!

Потом он сказал, между прочим, что «все мы волновались в последние дни дрейфа». Немного позже он узнал, что в зале находится и мой отец. Поставил меня рядом с ним, обнял нас обоих за плечи и спросил:

– Ну, кто из них старше, отец или сын?

Я посмотрел на отца – и в самом деле мой старик выглядел молодцом…

В тот вечер Сталин произнес речь о смелости советских людей, об истоках героизма, о том, что в нашей стране человек ценится прежде всего по его делам на благо общества.

Затем Сталин поднял бокал за здоровье всех героев – старых и молодых, за тех, кто не устает идти вперед, за молодость, потому что в молодых сила. <…>

Торжественная встреча в Кремле с руководителями партии и правительства произвела на нас неизгладимое впечатление. На прощание И.В. Сталин сказал:

– А теперь мы отправим вас отдохнуть вместе с семьями.

Когда понадобитесь, мы вас вызовем. И нас отправили в подмосковный санаторий. В один из вечеров директор санатория сказал мне:

– Звонили из Москвы, вас срочно вызывают в Кремль.

– А на чем же мне доехать?

– Могу предоставить только автомашину для перевозки молока. Время позднее, других машин нет. Молоковоз оказался с изъяном – у него было разбито ветровое стекло. Пока мы домчались до Красной площади (30 километров!), колючая ледяная крупа исхлестала мне все лицо. Красный, как помидор, я и появился в комнате заседания Политбюро. Здесь находились все члены Политбюро. Увидев меня, товарищи заулыбались. Пришлось объяснить, почему я появился в таком виде.

– Товарищ Папанин, – сказал В.М. Молотов, – мы обсуждаем положение дел в Главсевморпути и решили назначить вас заместителем начальника Главсевморпути. Вызвали вас сюда, чтобы сообщить вам об этом решении. Отто Юльевич Шмидт предлагает назначить М.И. Шевелева первым замом, вы будете вторым. Надо ли говорить, что такое сообщение застигло меня врасплох и вызвано бурю противоречивых чувств? Я вообще не хотел быть руководителем такого масштаба.

– Я – экспедиционный работник, люблю это дело и хотел бы опять в Арктику, строить новые полярные станции. С работой же заместителя Отто Юльевича могу и не справиться.

– А мы считаем, что вы справитесь с новым делом, – решительно возразили мне. – К тому же есть партийная дисциплина, – добавили в ответ на мои дальнейшие возражения. Я замолчал.

– Мы поддержим вас и поможем вам, – сказал Молотов. – Навигация прошлого года прошла неудачно. Решено привлечь людей с богатым арктическим опытом. Вам будет поручено руководить строительством, финансами и кадрами. Это дело вам знакомо хорошо.

Я поблагодарил членов Политбюро и вышел. Не успел спуститься вниз, как меня догнал дежурный офицер.

– Товарищ Папанин, вас просят вернуться. Я снова поднялся в кабинет и услышал от Молотова:

– Мы доложили сейчас товарищу Сталину о принятом решении. Он внес поправку: вы назначаетесь первым заместителем начальника Главсевморпути. Если вам потребуется помощь правительства, можете обращаться непосредственно ко мне. По вопросам же кадров Главсевморпути будете еженедельно докладывать в ЦК партии.

На следующий день на заседании Совнаркома СССР рассматривался вопрос об итогах навигации 1937 года и состоянии кадров Главсевморпути. На этом заседании я был утвержден в должности первого заместителя начальника Главсевморпути при СНК СССР.

Одновременно с моей решилась и судьба моих товарищей. П.П. Ширшов был назначен директором Арктического института, Е.К. Федоров – его заместителем, а Э.Т. Кренкель стал членом коллегии Главсевморпути.

И.Д. Папанин. Лед и пламень.
Политиздат, М., 1984. С. 198–199, 203–205.

И.Д. Папанин, апрель 1938 год

…Вспоминаю свои начальные шаги в должности заместителя начальника Главсевморпути. Первым крупным и не терпящим отлагательства делом было строительство судоремонтного завода в Мурманске. Такой завод – для ремонта ледоколов и других судов арктического флота – был тогда великой необходимостью.

Арктический флот в те годы пополнялся новыми судами, строились четыре крупных по тем временам линейных ледокола. Ремонтная база в Заполярье была совершенно необходима. Собственно, завод был заложен, но строительство его шло медленно и грозило затянуться на долгие годы. А время не ждало, первый серийный ледокол готовился к сдаче в 1938 году. Вопрос о ходе строительства завода рассматривался в Кремле.

На другой день меня вызвали к И.В. Сталину. Лицо его выражало сильное недовольство. В кабинете были Молотов, Микоян, Ворошилов, секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев.

– Строительство Мурманского завода идет из рук вон плохо, – сказал Сталин. – Так дальше нельзя. Где мы будем ремонтировать ледоколы и корабли, работающие в Заполярье? ЦК и Совнарком не могут мириться с создавшимся положением, – продолжал Сталин. – Необходимо поручить товарищу Косареву и вам поднять на это дело молодежь… – Что я должен сделать? – спросил я.

– Вам необходимо выступить в печати с обращением к молодежи, призвать юношей и девушек поехать на Север, на строительство завода, а ЦК комсомола проведет соответствующую организационную работу.

Тут же мы – Александр Косарев и я – поехали из Кремля в ЦК ВЛКСМ и составили текст обращения.

На другой день оно было напечатано на первой полосе «Комсомольской правды» и в других газетах.

Мы не обещали молодежи легкой жизни и легкого труда, наоборот, рассказывали о трудностях, но подчеркнули важность строительства для Родины. И очень скоро на нас обрушился шквал заявлений с просьбами направить на комсомольскую стройку. Письма шли в Главсевморпути, в ЦК комсомола и сосредотачивались в штабе, созданном при ЦК ВЛКСМ. За короткое время было получено 30 тысяч заявлений. В Мурманск пошли эшелоны – 20 тысяч молодых энтузиастов ехали строить завод.

И.Д. Папанин. Лед и пламень.
Политиздат, М., 1984. С. 205–206.

В.С. Емельянов, октябрь 1938 года

Наша промышленность, в том числе оборонная, пошла в гору. Ее большие достижения были очевидны, и особенно в области самолетостроения. Советская авиация становилась одной из лучших в мире. В те годы совершили свой исторический полет советские летчицы – Гризодубова, Раскова, Осипенко. Коккинаки пролетел без посадки от Москвы до Владивостока. В это время было много и других примечательных событий. Москва чествовала героев. На торжественные встречи, как правило, приглашались и мы – работники оборонной промышленности.

Когда в Москву вернулся самолет «Родина», мы его встретили на Ходынском поле, где тогда был центральный аэропорт, а затем направились в Кремль на прием, организованный в честь героинь-летчиц. Этот прием запомнился мне своей какой-то необычностью, простотой и душевностью.

В Грановитой палате было сервировано два больших стола, установленных в форме буквы «Т». Мое место находилось за длинным столом ближе к концу. В центральной части первого стола сидел Сталин. Здесь находились другие члены Политбюро.

Одна за другой в Грановитой палате появились героини. Все встали, начались аплодисменты. Взволнованные летчицы подошли к Сталину. Раскова от наплыва чувств заплакала. Мы видели слезы, которые ручьями текли по ее лицу. Сталин стал гладить Раскову по голове, а затем, обращаясь к Чкалову, которого очень любил, смеясь и подтрунивая над ним, сказал:

– Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?

Чкалов с места крикнул:

– Есть еще много белых пятен, нам есть еще куда летать!

Настроение у всех было приподнятое, все были возбуждены и наполнены радостным чувством большого подвига, совершенного советскими женщинами.

И вдруг Сталин поднялся со своего места и стал говорить. Никогда ни до этого, ни после я не слышал от него ничего подобного, ни по манере говорить, ни по интонациям, ни по необычайности затронутой им темы.

– Это было очень давно, – начал он, – может быть, десять тысяч лет назад. Человечество жило охотой. Мужчины били дикого зверя и приносили свою добычу домой. Женщины готовили пищу. Вместе с убитыми животными охотники приносили иногда молодых животных и птенцов и отдавали их своим женам. Они их выкармливали и приручали. – Сталин остановил свое повествование и, окинув взглядом сидящих за столом, стал продолжать: – Охота, как известно, занятие ненадежное, иногда посчастливится – убьешь что-нибудь и будешь сыт, а то можно два-три дня голодным проходить. У женщины же в это время появился постоянный источник питания – одомашненные животные и птицы. Таким образом, в их руках сосредоточилась экономическая власть. Этот период в истории развития человечества мы называем матриархатом. Он длился недолго. Затем женщина попала под двойной гнет своего господина-мужа и под власть государства, во главе которого также стояли мужчины.

Когда Сталин говорил, в зале была полная тишина, не слышно было ни стука ножей о тарелки, ни голосов, которые до этого времени гулом наполняли Грановитую палату.

Все слушали не сводя глаз с рассказчика.

Слезы у Расковой просохли, и она, склонив голову набок и подняв глаза, казалось, застыла в этой позе.

Но вот Сталин остановился и с каким-то необычным озорством весело закончил:

– И вот сегодня женщины отомстили нам – мужчинам. – И опять обращаясь к Чкалову, тем же дразнящим тоном произнес: – Что же ты, Чкалов, теперь будешь делать?

Все за столом пришли в движение, раздался смех, зазвенели стаканы, наполненные вином, застучали ножи и вилки.

В.С. Емельянов. На пороге войны.

«Советская Россия», М., 1971. С. 85–86.

Н. Г. Кузнецов, 19 декабря 1938 года

В декабре 1938 года меня вызвали в Москву на заседание Главного морского совета. <…>

На заседаниях Главного военно-морского совета много говорили о строительстве кораблей. Решения партии и правительства о «большом морском и океанском флоте» открывало перед нашими морскими силами широкие горизонты. По-новому вставали вопросы о задачах флота. Возникало множество новых проблем, связанных с крупным береговым строительством. Требовалась разработка нового боевого устава военно-морских сил и наставле-

ния по ведению морских операций. Подготовиться к приему большого флота, освоить его, научиться управлять им – дело было не из легких. <…>

19 декабря 1938 года заключительное заседание совета происходило в Свердловском зале Кремлевского дворца. На нем присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов. Выступали М.П. Фриновский, И.С. Юмашев, В.П. Дрозд, Г.И. Левченко, и другие. Выступал и я.

Сталин очень внимательно слушал, задавал очень много вопросов, бросал реплики по ходу заседания.

Чувствовалось, что он хочет узнать мнение флотских руководителей о различных классах кораблей. Впервые, хотя и косвенно, вставали вопросы о морской доктрине в связи со строительством большого флота и о тех изменениях, которые понадобится внести в наши уставы и наставления.

Помнится, Сталин критиковал формулировку о «сложных формах боя», которая была записана в приказе по боевой подготовке на 1939 год. Его мысль сводилась к тому, что «сложный бой» возможен в будущем при наличии линкоров, крейсеров и других крупных кораблей, а пока мы еще на море слабы, задачи нашего флота будут весьма ограниченными. «Лет восемь-десять нужно ждать, пока мы будем сильны на море», – сказал он.

Более конкретно обсуждался вопрос о подготовке кадров для будущих кораблей. Была высказана мысль о сверхсрочниках, о специальном подборе на флот призывников из приморских районов и вообще людей, связанных с морем еще до призыва их на военную службу.

Каждая реплика Сталина воспринималась как указание, и Наркомат ВМФ потом сделал представления правительству в этом направлении. Так относительно сверхсрочников и сроков службы на флоте были вынесены решения, когда я уже работал в Москве – в мае или июне 1939 года. Мне лично довелось докладывать, какие порядки на сей счет существуют в иностранных флотах. Вот тогда и было разрешено флоту иметь неограниченный процент сверхсрочников на кораблях, хорошо их оплачивать в зависимости от сроков службы. Решено было также увеличить срок действительной службы на флоте до пяти лет. «Может быть, установить шесть лет?» – спросил Сталин. Мы возразили: шесть лет слишком много. С нами согласились.

На Главном военно-морском совете Сталин высказал мысль о том, что подготовка кадров – это девять десятых создания большого флота. Он советовал больше внимания уделить практической учебе будущих командиров и с этой целью, возможно, закупить за границей несколько учебных кораблей.

Ставились вопросы о строительстве военно-морских баз, вспомогательного флота, судоремонтных заводов. Слова эти не бросались на ветер. Вскоре развернулось бурное строительство на всех флотах. Тогда же зародился план перенесения торгового порта из Владивостока в Находку, и в марте-апреле 1939 года А.А. Жданов и я были специально командированы на Дальний Восток, чтобы осмотреть все на месте.

Запомнилось мне предупреждение Сталина: не ждать, когда враг нападет, надо уже сейчас изучать его возможности, его уязвимые места, повышать бдительность и боевую готовность. У североморцев он спросил: «Заходят наши корабли в Петсамо? Редко? А немцы и англичане?» Закончил разговор словами:

– Напрасно вы редко наведываетесь туда. Петсамо – это Печенга, исконно русская земля. Мне в своем выступлении пришлось коснуться очень неприятного события на Тихоокеанском флоте: во время шторма погиб строящийся эсминец. Все мы опасались, что нам крепко достанется. Сталин посуровел:

– Вы считаете, что было предпринято все для спасения корабля?

– Все. Сталин молча, не прерывая, дослушал мой доклад. Я понял, что гроза миновала.

На следующий день правительство устроило для моряков прием. В Грановитой палате все было торжественно. Мы, молодые руководители флотов, впервые так близко встретились с руководителями партии и правительства. Нас хвалили, говорили, что перед флотом открываются необычайно широкие перспективы. Провозглашались тосты за Сталина, за моряков и командующих флотами. Мы отвечали горячими, до боли в руках аплодисментами.

То, что происходило в Кремле, поднимало настроение, воодушевляло и глубоко врезалось в памяти. Мы долго потом вспоминали этот прием.

Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат, М. С. 225, 226, 227–229.

1939 год

А.С. Яковлев, январь 1939 года

В начале 1939 года правительством было созвано большое совещание. В Овальном зале Кремля собрали всех, кто проявил себя как авиационный конструктор или изобретатель, кто за последнее время вносил какие-нибудь предложения по авиации. <…>

Среди присутствующих находились народный комиссар авиационной промышленности М.М. Каганович, конструкторы В.Я. Климов, А.А. Микулин, А.Д. Швецов, СВ. Ильюшин, Н.Н. Поликарпов, А.А. Архангельский, начальник ЦАГИ М.Н. Шульженко и многие другие.

В президиуме – И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов.

Совещание вел Молотов. Он вызывал конструкторов по заранее составленному списку. Каждый должен был рассказать, над чем работает, посвятить в свои планы на ближайшее будущее.

Один за другим выступали конструкторы. Сталин в это время расхаживал по залу, курил трубку и как будто не принимал никакого участия в совещании, погруженный в свои думы. Однако время от времени он вдруг подавал какую-нибудь реплику или задавал вопрос, свидетельствовавший о том, что он очень внимательно прислушивается ко всему, что говорилось.

Мне запомнилось, что начальник НИИ ВВС Филин настойчиво выступал за широкое строительство четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков Пе-8. Сталин возражал: он считал, что нужно строить двухмоторные бомбардировщики Пе-2 и числом побольше. Филин настаивал, его поддержали некоторые другие. В конце концов Сталин уступил, сказав:

– Ну, пусть будет по-вашему, хотя вы меня и не убедили.

Пе-8 поставили в серию на одном заводе параллельно с Пе-2. Вскоре, уже в ходе войны, к этому вопросу вернулись. Пе-8 был снят с производства, и завод перешел целиком на строительство Пе-2. Война требовала большого количества легких тактических фронтовых бомбардировщиков, какими и были Пе-2. <…>

В ходе совещания возник вопрос о секретности. Не просачиваются ли сведения о нашей авиации за границу? Как сохраняется государственная тайна в научных учреждениях?

Вдруг Сталин спросил:

– А как обстоит с этим делом в ЦАГИ? Кто у нас начальник ЦАГИ?

– Шульженко. Он здесь присутствует, – ответил нарком Каганович.

Бледный от волнения, Михаил Никитич Шульженко поднялся с места. Сталин погрозил ему пальцем:

– Имейте в виду, вы за это отвечаете.

В конце совещания нас еще раз призвали к тому, чтобы каждый обдумал создавшееся положение и, не стесняясь и ничем себя не ограничивая, внес свои предложения по обсуждавшимся вопросам.

Участие в кремлевском совещании взволновало не только меня, но и весь наш небольшой тогда коллектив.

А.С. Яковлев. Цель жизни.

Политиздат, М., 1987. С. 129–130.

Н. М. Пегов, 12 марта 1939 года

Вооруженная решениями своей первой партийной конференции, делегация коммунистов Приморья выехала в Москву на XVIII съезд партии. <…>

…Шел к концу, кажется, третий день работы съезда. Выступающий с трибуны говорит какими-то слащавыми липкими фразами и все в адрес Сталина, которому это, видимо, не понравилось. Он встал из-за стола президиума, подался всем корпусом вперед, внимательно вслушиваясь в речь делегата. Зал затих. Все поняли, что так это не пройдет. И действительно, Сталин махнул рукой в сторону трибуны и вышел из зала. Никто уже не слушал оратора.

Не прошло и нескольких минут, как ко мне подошел Поскребышев, помощник Сталина, и «вытащил» меня из зала. Я решил, что есть какие-то дела по секретариату съезда, мы оба были избраны в состав секретариата. Поскребышев – человек неразговорчивый, и я, зная это, не стал на ходу задавать ему никаких вопросов. Привел он меня в комнату, расположенную рядом с президиумом. Открыл внутреннюю дверь и я увидел идущего навстречу мне Сталина. Дверь за мной тихо закрылась. Я оказался один на один со Сталиным, которого до сих пор видел только на портретах. Я совершенно не был готов к этой встрече. Подойдя к Сталину, протянул руку, чтобы поздороваться, и услышал только конец сказанной им фразы: «…живете?» В ушах у меня звенело, а в груди не хватало воздуха. Представляю, каков я был в это время.

Сообразив, что Сталин интересуется, как мы живем на Дальнем Востоке, быстро овладел собой и начал рассказывать о делах наших, дальневосточных. Сталин расспрашивал обо всем, интересовался людьми, в частности, недавно избранным на пост председателя исполкома Владивостокского горсовета И. М. Васильевым.

Я ответил, что Васильев – потомственный питерский пролетарий. Участник гражданской войны. В 1922 году он снова вернулся на судостроительный завод в Ленинград. Член партии с 1931 года. Как одного из лучших специалистов-медников его в 1933 году командируют во Владивосток на Дальзавод в качестве мастера. Уже в 1934 году он стал начальником цеха. У него хорошая рабочая закваска и, несмотря на его 38 лет, большой жизненный опыт. Они-то и помогают ему в работе. Если уж он берется за какое-нибудь дело, то докапывается до сути, не рубит с плеча, делает все основательно. Словом, Васильев оправдывает возлагавшиеся на него надежды.

Вдруг Сталин спрашивает:

– Какие возможности имеются в крае для расширения посевных площадей под овощи и картофель?

– Более всего для выращивания таких культур подходит Ольгинский район, расположенный на побережье, севернее Владивостока. Но он отделен от основной территории края Сихотэ-Алиньским хребтом, так что добраться в район можно только морем. А вывоз урожая морским путем сопряжен со множеством перевалок, да притом в осеннее время, – ответил я.

– А почему вы не пользуетесь дорогой, которая идет ущельем в горах Сихотэ-Алиня? – спросил Сталин. – Дорога эта похуже шоссейной, но лучше проселочной. В ущелье течет много речушек, которые пересекают дорогу. Мостики на них годами не ремонтировались и, скорее всего, разбиты, размыты. Отремонтируйте их и возите на здоровье урожай Ольгинского района. Признаюсь, я об этой дороге до встречи со Сталиным ничего не знал. А он, как видно, перед разговором по делам Дальнего Востока был проинформирован и о ней.

– Обещаю вам, товарищ Сталин, как только вернусь в край, обязательно проеду этой дорогой. Отремонтируем все мосты и мостики и наладим с этим районом нормальную связь.

Вернувшись в Приморье, мы снарядили целую экспедицию на машинах с грузом шпал, досок и всего необходимого для ремонта мостов. Выехали из Владивостока на рассвете, имея

в виду засветло пробраться дебрями ущелий как можно ближе к Ольгинскому райцентру. И каково же было наше удивление: мы в тот же день засветло прибыли в районный центр. <…>

<…>Дорогу эту освоили и с успехом использовали не только для перевозки картофеля и овощей.

Воспользовавшись паузой в беседе, я обратился к Сталину с просьбой решить ряд вопросов, касающихся укрепления краевой партийной организации. Сталин внимательно выслушал эти просьбы, задал уточняющие вопросы и обещал помочь. Через несколько дней после возвращения из Москвы мы получили соответствующие решения.

Н.М. Пегов. Далекое – близкое.

Политиздат, М., 1982. С. 46–49.

Н.Г. Кузнецов, 20–21 марта 1939 года

Съезд открылся 10 марта. В праздничном настроении входили мы в Большой Кремлевский дворец вместе с делегатами, прибывшими со всех концов страны. <…>

Съезд начал свою работу. И.В. Сталин выступил с очередным докладом. Сидевшие в президиуме придвинулись ближе к трибуне, чтобы лучше слышать оратора.

В часы, свободные от заседаний, я бывал в наркомате, узнавал новости с Тихого океана.

В наркомате была какая-то странная атмосфера. М.П. Фриновский присутствовал на съезде. Я видел его из президиума, он сидел в одиннадцатом или двенадцатом ряду, но в наркомате не показывался. Уже поползли слухи, что его скоро освободят. Все текущие дела решал первый заместитель наркома П.И. Смирнов-Светловский.

В один из последних дней работы съезда ко мне подошел В.М. Молотов.

– Вы намерены выступать? – спросил он. Я отрицательно покачал головой.

– Жду выступления своего наркома.

– А может быть, он и не собирается… советую вам подумать.

Вечером я рассказал об этом разговоре Штерну.

Старый опытный работник центрального аппарата, он лучше знал, как лучше поступить.

– Разговор неспроста, – заметил Штерн. – на всякий случай я бы подготовил тезисы выступления.

На следующий день председательствующий спросил нас обоих, не записать ли для выступлений в прениях. Мы ответили согласием, и с той минуты сидели, потеряв покой. Шутка ли! Нам предстояло говорить с самой высокой трибуны.

В перерыве мимо нас прошел Сталин. Повернувшись ко мне, он протянул бумагу, которую держал в руке.

– Прочтите.

Это оказался рапорт М. П. Фриновского, который просил освободить его от обязанностей наркома «ввиду незнания морского дела».

– Вам понятно? – спросил Сталин, вновь остановившись возле нас через некоторое время.

Я не успел ответить. Было ясно одно: Фриновский выступать не станет, и мне, по-видимому, дадут слово. Хорошо помню, как объявили:

– Слово имеет Шолохов. Приготовиться Кузнецову…

Я шел к трибуне, изо всех сил стараясь совладать с волнением. Говорил я об агрессивных замыслах японской военщины и о ее провокациях на границе. Затем рассказал о нашем Тихоокеанском флоте, заверил делегатов, что моряки готовы до конца выполнить долг перед Родиной.

Перед заключительным заседанием съезда происходило совещание старейшин. Были приглашены все члены ЦК старого состава и еще много других делегатов. В числе приглашенных оказались Штерн и я. Члены Политбюро заняли места на возвышении в президиуме. В составе ЦК партии намечались крупные изменения. Члены Политбюро, сообщая об этом, поясняли, почему считается нецелесообразным вновь вводить того или иного человека в состав ЦК. Затем выступали и те кому давался отвод. Они обычно просили перевести их на менее ответственную работу. В конце заседания было внесено предложение о новом составе ЦК партии. В числе других фамилий назвали Штерна и мою. <…>

После съезда я заторопился во Владивосток. Дела не ждали. Но уехать не удалось.

– Пока задержитесь в Москве, – сказал мне П.И. Смирнов-Светловский, замещавший наркома.

Причин задержки мне не объяснили. В тот же вечер, вскоре, уже ночью меня подняли с постели и предложили немедленно ехать в Кремль. Надо было торопиться, машина ждала у подъезда гостиницы.

Меня принял И.В. Сталин. Когда я вошел в кабинет он стоял у длинного стола, за которым сидели несколько членов Политбюро. Перед ним лежали какие-то бумаги. Он заговорил не сразу. Неторопливо постучал трубкой о край пепельницы, взял большой красный карандаш и что-то написал на бумаге, лежавшей сверху. Затем пристально посмотрел на меня.

– Ну, садитесь.

Не очень уверенно я подошел к столу. Я видел Сталина не впервые, но никогда раньше не имел возможности внимательно и долго разглядывать его так близко.

Он был почти такой, как на портретах, и все же не совсем такой. Я представлял себе, что он крупнее, выше ростом. В тихом голосе и медленных жестах чувствовалась большая уверенность, сознание своей силы.

Некоторое время он тоже внимательно смотрел на меня, и я, признаться, робел под этим взглядом. Прежде я только мысленно разговаривал со Сталиным. Когда мне не удавалось добиться чего-нибудь необходимого для флота или я получал указания, с которыми внутренне был не согласен, тогда думал: «Вот бы попасть к Сталину, доложить ему лично, он понял бы и помог».

Теперь я был у него. Докладывать мне не пришлось. Он спрашивал, я отвечал. О службе на Тихом океане и нашем флоте, о том, как, по моему мнению, работает наркомат. Почему-то Сталин особенно интересовался моим мнением о Галлере и Исакове. Я с уважением относился к тому и другому. Они были опытными руководителями и пользовался авторитетом у моряков. Так я ему и сказал.

– Как вы смотрите на работу в Москве? – спросил он в конце разговора. У меня, признаться, на сей счет не было определенного взгляда.

– В центре я не работал, да и не стремился к этому, – ответил я коротко.

– Ну, идите, – отпустил меня Сталин. Когда я вернулся в гостиницу, было уже около трех утра. На следующее утро меня вызвали на экстренное заседание

Главного военно-морского совета. Повестку дня не сообщили. Заседание открыл П.И. Смирнов-Светловский и предоставил слово А.А. Жданову.

– Предлагаю обсудить, соответствует ли своей должности первый заместитель наркома Смирнов-Светловский, – объявил неожиданно Жданов. Смирнов, сидевший на председательском месте, помрачнел и опустил голову. Прений не получилось. Опять слово взял Жданов:

– В Центральном Комитете есть мнение, что руководство наркоматом следует обновить. Предлагаю вместо Смирнова-Светловского первым заместителем наркома назначить Кузнецова.

Жданов посмотрел в мою сторону. Повернулись ко мне и другие члены совета. Несколько голосов не очень уверенно поддержали предложение.

В тот же день мне был вручен красный пакет с постановлением о назначении на новую должность.

Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат, М., 1969. С. 230–233.

А.С. Чуянов, 22–31 марта 1939 года

…Сразу же после XVIII съезда, на первом организационном пленуме, я, будучи избранным в кандидаты в члены ЦК ВКП(б), был немало озадачен поручением, данным мне И.В. Сталиным. Случилось это так. Во время перерыва участники Пленума переместились в буфетный зал, к столикам с чаем и бутербродами. Я сидел рядом с В.А. Малышевым и С.М. Буденным. Разговаривали. Подошел А.Н. Поскребышев и, обращаясь к СМ. Буденному и ко мне, сказал:

– Вас просят зайти к Сталину и Ворошилову в Овальный зал. Семен Михайлович спросил:

– Вы никаких вопросов не ставили перед ЦК?

– Ставил, об освоении Волго-Ахтубинской поймы, – ответил я. – А при чем тут я? Может, что-нибудь писал о кавалерии?

– Кадровой кавалерии у нас в области нет, – ответил я. Семен Михайлович встал первым, я последовал за ним.

В Овальном зале за столом сидели И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов.

– Вот они, виновники, – встречая нас, сказал Ворошилов. Сталин нацелил глаза на меня:

– Много ли рыбаки Каспия ловят и сколько могут приготовить вяленой тарани?

Для меня этот вопрос как снег на голову. Мне показалось, что и Буденный недоуменно пожал плечами. Собравшись, я ответил:

– Десять-пятнадцать процентов от годового улова.

– А сколько же это будет пудов?

– Примерно девятьсот тысяч пудов.

– А сколько среди них будет крупной и средней тарани?

– Не более пятидесяти процентов.

– Значит, четыреста пятьдесят тысяч пудов, – раздумчиво произнес Сталин.

– Да, примерно так, – подтвердил я.

– А сколько можно взять от улова крупной и средней та

рани для Красной Армии? – спросил Ворошилов. Я не успел ответить, как Сталин разъяснил:

– ЦК партии намечает внести в солдатский паек снабжение таранью. Вы потребовались нам для того, чтобы посоветоваться и подготовить этот вопрос для обсуждения в Политбюро. Солдатам в походе тарань окажется весьма важным продуктом. Сунет за голенище и на привале посолонцует…

– Надо подсчитать, – ответил я. Теперь Сталин повернулся к Буденному:

– А что думает Семен Михайлович по этому вопросу?

– От тарани не откажемся. Давать ее следует сверх пайка, она костлявая и малокалорийная. Но в переходах, на привалах будет полезной.

– Тарань – рыба ходовая, ее уважают, особенно вяленую, и в народе и солдаты, особенно с пивом, – подчеркнул Ворошилов.

Далее, как в пьесе:

Сталин (с усмешкой). Разве в солдатский паек и пиво входит?

Ворошилов (как бы оправдываясь). Нет, товарищ Сталин, не входит, но солдат не откажется от пива и тарани.

Б у д е н н ы й. Это дело личное – употреблять тарань с пивом. Есть такая тарань – мелкая, она так и называется – «пивная». В народе уважают ее, а что касается тарани для армии, то разве только для пехоты.

С т а л и н. Средняя и крупная тарань должна пойти для пехоты. Давать ее надо только в походах, на учениях, на привалах, и притом без пива! Что касается мелкой тарани, то я согласен оставить ее любителям пива.

В о р о ш и л о в. Правильно, товарищ Сталин, это будет хорошо!

Б у д е н н ы й. В походе солдат таранью жажду утолит с глотком воды, меньше будет пота. Это будет действительно хорошо.

С т а л и н. Слышите, товарищ Чуянов? Ворошилов говорит «хорошо», Семен Михайлович говорит «хорошо». Возражений нет. Поэтому вам следует хорошенько все подсчитать и решить эту задачу практически.

Я попытался попасть в тон разговора и ответил:

– Раз вы говорите, солдат за голенищем будет тарань носить, то мы не оставим его в обиде… Сталин прервал меня:

– К этому делу надо подойти с расчетом. Подумайте и дайте вместе с Семеном Михайловичем свои соображения. Срок две недели.

А.С. Чуянов. На стремнине века.

Политиздат, М., 1976. С. 52–54.

Н.Г. Кузнецов, 27 апреля 1939 года

А.А. Жданов сообщил, что ему и мне предложено срочно выехать во Владивосток и Хабаровск для подготовки некоторых вопросов.

Я попытался было объяснить, что в Москве скопилась куча нерешенных дел, но он прервал меня:

– Бумаги могут подождать. Советую вам и не заикаться о них у товарища Сталина. <… > Вернувшись в Москву, прямо с вокзала я отправился в наркомат. Нужно было включаться в повседневные дела. А 27 апреля меня вызвали в Кремль. Разговор шел о результатах поездки на Дальний Восток. Присутствовали все члены Политбюро. Жданов рассказывал о своих впечатлениях от Находки.

– Это действительно находка для нас! Тут же было принято решение о создании там нового торгового порта.

Жданов рассказал о делах Приморского края, о Тихоокеанском флоте. Уже покидая кабинет, я услышал, как Сталин обратился к присутствующим:

– Так что, может быть, решим морской вопрос? Все согласились с ним. Хотелось спросить, что это за морской вопрос, но показалось неудобно.

Из Кремля выехал домой. Когда вернулся на службу, на столе обнаружил красный пакет с Указом Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении Народным комиссаром Военно-морского Флота СССР. <…>

В тот вечер долго сидел в своем новом кабинете, все думал: с чего начинать? Что главное? Позвонил Лев Михайлович Галлер:

– Разрешите на доклад.

Он пробыл у меня два часа. Мне хотелось посоветоваться с этим опытным, умным человеком.

– Надо использовать «медовые» месяцы… – Галлер погладил свои рыжеватые усы, потом посмотрел на меня и добавил уже совсем неофициально: – В первое время ваши предложения будут рассматривать быстро и быстро будут принимать решения. Потом станет труднее.

Я учел его совет, хотя и не сразу оценил, насколько он был справедлив. Прошло некоторое время, и доступ к Сталину стал весьма затруднителен, а без него решать важнейшие вопросы никто не брался.

Но в «медовые» месяцы я частенько бывал «наверху», и мне без особых затруднений и задержек удавалось разрешать неотложные дела:

И. В. Сталин уделял внимание судостроительной программе и очень интересовался флотом.

Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат, М., 1969. С. 234, 239–241.

А. С. Яковлев, 27 апреля – май 1939 года

<…>Новый самолет нашего КБ, занимавшегося до этого только спортивными самолетами, испытывал летчик Пионтковский. Машина показала скорость 560 километров в час. По тому времени эти данные были превосходны. Машиной заинтересовались. <…>

Сначала мы предполагали использовать новый самолет как скоростной тактический разведчик. Но под нажимом военных пришлось приспособить его в качестве фронтового бомбардировщика. Он получил название ББ – ближний бомбардировщик.

После первых испытательных полетов, когда стало бесспорным, что ББ по летным качествам намного опередил другие самолеты этого типа, меня вызвали к И.В. Сталину. Это было 27 апреля 1939 года.

Прошло несколько лет с момента моего знакомства со Сталиным на Тушинском аэродроме. За это время мне пришлось видеть его на официальных заседаниях в Кремле, но теперь я шел по его личному вызову. По дороге в Кремль мысленно представлял себе предстоящую встречу: старался угадать, о чем он меня спросит и как надо отвечать.

Я с волнением поднимался по лестнице, устланной красным ковром. Когда появился в секретариате и собрался представиться, секретарь Сталина предупредил меня:

– Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин назначил вам прийти к шести часам, а сейчас пять часов сорок пять минут, попрошу вас подождать.

Точно в назначенное время меня пригласили пройти в кабинет. Там кроме Сталина были Молотов и Ворошилов. Все трое со мной тепло поздоровались.

Первое впечатление от кабинета Сталина врезалось в мою память на всю жизнь. Признаться, я был как-то разочарован: меня поразили его исключительная простота и скромность.

Не скажу, что, когда я вошел в кабинет, мое волнение как рукой сняло, нет, но постепенно оно ослабевало. Ровный голос, размеренная походка Сталина действовали успокаивающе.

Сталин начал расспрашивать о работе, о новой машине.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, в мою родную стихию, я все больше успокаивался и скоро совершенно освоился, перестал стесняться и, отвечая на вопросы, уже не подыскивал слова, как вначале.

Сталин, Молотов и Ворошилов очень интересовались моей машиной ББ и все расспрашивали, как же это удалось при таких же двигателях и той же бомбовой нагрузке, что и у СБ, получить скорость, превышающую скорость СБ.

Я объяснил, что здесь все дело в аэродинамике, что СБ проектировали 5 лет тому назад, а наука за это время продвинулась далеко вперед. Кроме того нам удалось свои бомбардировщик сделать значительно легче, чем СБ.

Сталин все ходил по кабинету, удивлялся и говорил:

– Чудеса, просто чудеса, это революция в авиации.

Было решено запустить ББ в серийное производство.

После того как договорились по некоторым вопросам дальнейшей работы нашего конструкторского бюро, Ворошилов что-то написал на листочке бумаги и показал Сталину, который, прочтя, кивнул головой в знак согласия.

Тогда Ворошилов прочитал текст ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Ленина, автомобилем ЗИС и премией в 100 тысяч рублей. Ходатайство тут же все трое подписали.

Это было совершенно неожиданно, я растерялся и, кажется, даже не поблагодарил. Хорошо еще, что, опомнившись, в конце концов нашелся сказать, что работал я не один, а целый коллектив и что награждать меня одного было бы несправедливо. На это Сталин ответил, что нужно немедленно представить список моих сотрудников, которые работали над новой машиной, чтобы их также наградить.

Со мной дружески попрощались, пожелали дальнейших успехов в работе. <…>

Утром на заводе я составил список работников, заслуживающих награждения.

Утомленный радостными переживаниями и бесконечными поздравлениями, я в тот день рано лег спать и сразу же крепко заснул. Разбудил меня телефонный звонок:

– Конструктор Яковлев? Говорят из секретариата товарища Сталина. Позвоните товарищу Сталину, он хочет с вами говорить. И дали мне номер телефона. Что могло случиться? Я в смятении набираю этот номер и слышу уже знакомый голос.

– Здравствуйте. Передо мной лежит список ваших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли летчика. Что-то я его здесь не вижу.

– Как же, товарищ Сталин! Летчик там есть, он представлен к награде орденом Ленина.

– Ах, верно, верно! Это я, значит, пропустил. А как дела у вас?

– Хорошо, товарищ Сталин.

Вот тут бы и поблагодарить за награду – такой удобный случай! – а я снова повторяю:

– Все в порядке.

– Ну, если в порядке – хорошо. Будьте здоровы, желаю успеха.

Прошло немного времени. Сидел я как-то в конструкторском бюро за чертежной доской с конструктором Виктором Алексеевым, подошел секретарь: «Вас спрашивает какой-то Поскребышев. Соединять или нет?»

Беру трубку и слышу голос личного секретаря Сталина – Александра Николаевича Поскребышева. Он говорит, что мне надо приехать в ЦК по срочному делу и что сейчас за мной приедет машина.

Прошло, кажется, минут двадцать, не более, как явился человек в военной форме и пригласил меня последовать за ним.

Не зная ни о причине вызова, ни о том, с кем предстоит встретиться, я очень волновался всю дорогу.

Подъехали к зданию Центрального Комитета партии на Старой площади. По длинному коридору, застланному ковровой дорожкой, сопровождающий привел меня в какую-то комнату. Здесь стоял диван в чехле из сурового полотна, несколько стульев, в центре – небольшой круглый стол, накрытый белой скатертью. На столе – ваза с фруктами, блюдо с бутербродами, несколько стаканов недопитого чая. В комнате никого не было.

К волнению моему добавилась еще и растерянность: куда я попал и что будет дальше? Так в полном недоумении простоял я несколько минут, не двигаясь и рассматривал окружа-

ющую обстановку. Вдруг сбоку открылась дверь и вошел Сталин. Я глазам своим не поверил: уж не мистификация ли это?

Но Сталин подошел, улыбаясь, пожал руку, любезно справился о моем здоровье.

– Что же вы стоите? Присаживайтесь, побеседуем. Как идут дела с ББ? Постепенно он расшевелил меня, и я обрел возможность связно разговаривать. Сталин задал несколько вопросов. Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и французской авиации. Я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист.

– А как вы думаете, – спросил он, – почему на истребителях «спитфайр» ставят мелкокалиберные пулеметы, а не пушки? – Да потому, что у них авиапушек нет, – ответил я.

– Я тоже так думаю, – сказал Сталин. – Но ведь мало иметь пушку, – продолжал он. – Надо и двигатель приспособить под установку пушки. Верно?

– Верно.

– У них ведь двигателя такого нет?

– Нет.

– А вы знакомы с работой конструктора Климова – авиационным двигателем, на который можно установить двадцатимиллиметровую пушку Шпитального?

– Знаком.

– Как вы расцениваете эту работу?

– Работа интересная и очень полезная.

– Правильный ли это путь? А может быть, путь англичан более правильный? Не взялись бы вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

– Я истребителями еще никогда не занимался, но это было бы для меня большой честью.

– Вот подумайте над этим. Сталин взял меня под руку, раскрыл дверь, через которую входил в комнату, и ввел меня в зал, заполненный людьми.

Сразу я не мог различить ни одного знакомого лица. А Сталин усадил меня в президиуме рядом с собой и вполголоса продолжал начатый разговор. Я отвечал ему. Осмотревшись, увидел, что заседание ведет К.Е. Ворошилов, а в первом ряду сидит наш нарком М.М. Каганович, дальше – конструктор А.А. Архангельский, директор завода В.А. Окулов и главный инженер завода А.А. Кобзарев, некоторые знакомые мне работники авиационной промышленности. В зале было много военных из управления Военно-Воздушных Сил.

Кто-то выступал. Я понял, что речь идет о затруднениях, создавшихся с серийным производством самолета СБ в связи с невозможностью дальнейшего улучшения его летных характеристик, особенно повышения скорости. Между тем от решения этой проблемы зависела судьба нашей фронтовой бомбардировочной авиации.

Я внимательно прислушивался к тому, что продолжал говорить мне Сталин, и одновременно старался уловить, о чем говорят выступающие, а в душе опасался, как бы не предложили мне высказаться по вопросу, с которым я совершенно не был знаком.

К счастью, мои опасения оказались напрасными. Минут через 10–15 Сталин встал и повел меня обратно в уже знакомую комнату. Мы сели за круглый столик. Сталин предложил мне чай и фрукты.

– Так как же, возьметесь за истребитель?

– Подумаю, товарищ Сталин.

– Ну хорошо, когда надумаете, позвоните. Не стесняй

тесь… Желаю успеха. Жду звонка. И уже вдогонку сказал:

– А все-таки дураки англичане, что пренебрегают пушкой.

В то время самолет, вооруженный двадцатимиллиметровой пушкой, уже был у немцев – «Мессершмитт-109». Видимо Сталину это не давало покоя. Готовя перевооружение авиа-

ции, Сталин, очевидно, стремился избежать ошибки при выборе калибра пулеметов и пушек для наших истребителей. <…>

Вскоре конструкторов, ранее присутствовавших на совещании в Овальном зале, вновь пригласили в Кремль – теперь уже для обсуждения практических вопросов работы каждого.

В большой приемной собрались не только ветераны самолетостроения, но и конструкторская молодежь. Здесь были Лавочкин, Гудков, Горбунов, Ильюшин, Флоров, Боровков, Таиров, Шевченко, Пашинин, конструкторы-мотористы Климов, Микулин, Швецов, всего человек двадцать – двадцать пять.

С волнением ожидали мы вызова, на этот раз беседа велась с каждым в отдельности.

Александр Николаевич Поскребышев, секретарь Сталина, время от времени заходил в приемную и вызывал по списку приглашенных. Наконец настала и моя очередь. Я приготовился к разговору заранее, так как имел уже поручение Сталина подумать над возможностью постройки в нашем конструкторском бюро истребителя с мотором Климова.

В кабинете кроме Сталина и наркома М.М. Кагановича были Ворошилов, Молотов и кто-то еще из членов Политбюро, не помню кто, а также заместитель начальника ВВС Филипп Александрович Агальцов.

Сталин спросил меня:

– Ну, как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

– Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя.

Я назвал летные данные будущего истребителя: скорость, потолок и дальность полета.

– Как вы его вооружите? Пушка на нем будет стоять?

– А как же! На нашем истребителе будет стоять пушка калибра 20 миллиметров и два скорострельных пулемета.

– Это хорошо… – ответил Сталин, в раздумье расхаживая по кабинету. – А знаете ли вы, – спросил он, – что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее запустить в серийное производство?

– Я понимаю, товарищ Сталин.

– Понимать мало. Надо машину сделать быстрее.

– А какой срок?

– Чем скорее, тем лучше. К новому году сделаете?

– Я постройкой таких самолетов не занимался, опыта не имею… Но вот американцы делают новый истребитель за два года…

– А вы разве американец? – перебил меня Сталин. – Покажите, на что способен молодой русский инженер… Вот тогда будете молодцом, и придется мне пригласить вас на чашку чая.

– Спасибо, раз надо – сделаем обязательно. Но разрешите задать один вопрос? Вот пригласили сюда десятка два конструкторов, и каждому дается задание. Разве стране нужно столько истребителей и бомбардировщиков? Разве возможно будет все их запустить в серийное производство?

– Мы и сами прекрасно знаем, – ответил Сталин, – что столько самолетов нам не нужно. Но ведь из всех самолетов, дай бог, получится пять-шесть таких, которые будут годны для серийного производства. А такое количество новых самолетов нас не смущает.

Так побеседовали со всеми приглашенными. Каждый получил задание. Мы разъехались по конструкторским бюро возбужденные, заряженные духом творческого соревнования, с твердым намерением победить своих «соперников».

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 130–136.

И.Т. Пересыпкин, 10 мая 1939 года

Окончив командный факультет академии в мае 1937 года и получив звание капитана, я был назначен военным комиссаром Научно-исследовательского института связи Красной Армии. <…>

В начале января 1938 года, не успев еще как следует освоиться с работой, я получил новое назначение – военным комиссаром Управления связи Красной Армии. Тогда же мне присвоили воинское звание полковника. <…>

10 мая 1939 года в 10 часов вечера меня срочно вызвали в Кремль к И.В. Сталину.

После окончания академии я уже около двух лет работал в Москве. За это время видел И.В. Сталина на заседании Политбюро, когда рассматривался вопрос об итогах боевых действий на озере Хасан, на совещании в ЦК с танкистами – участниками боев в Испании, на парадах и приемах, но встречаться с ним непосредственно мне еще не приходилось. Поэтому, направляясь в Кремль, я изрядно волновался. <…>

Машина осталась на Ивановской площади.

Войдя в подъезд и поднявшись на лифте, я оказался в небольшом вестибюле. Мне показали, куда следовало идти. Открыв дверь, я очутился в довольно длинном коридоре, пол которого по всей длине был покрыт золотисто-бордовой ковровой дорожкой. В коридоре стояла абсолютная тишина. Казалось, никакой посторонний шум не проникает сюда. Я обратил внимание, что здесь нет никаких табличек, которые прибиты на дверях кабинетов больших начальников.

Несколько растерявшись и не зная, куда идти, я беспомощно остановился, потом наконец постучал в первую попавшуюся дверь.

В комнате, в которой я оказался, меня встретил уже немолодой, небольшого роста, полысевший человек с бросающимся в глаза красным лицом. Он был одет в гражданский костюм, сшитый на военный образец.

Это был Поскребышев, помощник Сталина. Он предложил мне сесть и, попросив обождать, куда-то вышел.

Вернувшись через несколько минут, он проводил меня в соседнюю комнату и, указав на огромную дверь с тамбуром, сказал торжественно и с расстановкой:

– Идите, вас ждет товарищ Сталин.

Я открыл дверь и оказался в большом, ярко освещенном кабинете Сталина. В правом дальнем углу находился его письменный стол. Влево от входа вдоль стены с деревянной панелью стоял ничем не покрытый длинный стол, за которым впоследствии мне неоднократно приходилось сидеть во время разных заседаний и совещаний.

Окна кабинета были наглухо занавешены шторами темно-коричневого цвета.

Сталин был одет в легкий светло-серый шерстяной костюм военного покроя. На нем были мягкие черные сапоги без каблуков, которые обычно носят горцы на Кавказе. В его руках была знаменитая трубка. В кабинете находился Молотов.

Поздоровавшись и внимательно посмотрев мне в лицо, Сталин неожиданно для меня сказал:

– Мы решили назначить вас народным комиссаром связи. Как вы к этому относитесь?

Трудно передать мое состояние, в котором я находился в тот момент. Все что угодно я ожидал от этой встречи, но только не этого. Волнуясь, я ответил примерно следующее: я не так давно окончил академию и работаю менее двух лет. До поступления в академию

командовал всего лишь эскадроном связи дивизии. Я совершенно не знаком с предлагаемой мне работой и не в силах справиться с таким огромным масштабом.

– Не справлюсь с этой должностью, товарищ Сталин – сказал я, – и поэтому убедительно прошу не назначать меня на этот высокоответственный пост.

Улыбаясь, Сталин спросил:

– Вы, оказывается, кавалерист? В какой дивизии служили? Я ответил, что служил в первой кавалерийской дивизии на Украине. Продолжая разговор, он заметил:

– Что касается масштаба работы, который вас пугает, то это ничего. Мы вам поможем. Я пытался что-то сказать, шел за ним следом, но Сталин снял трубку телефона и, набрав номер сказал кому-то: «Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати». Он повернулся ко мне.

– Поезжайте сейчас в ЦК, там подготовьте предложение о составе коллегии Народного комиссариата связи. Если хотите взять с собой кого-либо из военных, хорошо знающих связь, включите и их в проект решения.

Я ответил, что в Наркомате обороны есть много опытных специалистов. Некоторых из них было бы желательно перевести в Наркомат связи, но предполагаю, что против перевода будет возражать товарищ Ворошилов.

Улыбнувшись, Сталин сказал:

– Пусть это вас не беспокоит. Мы попросим товарища Ворошилова, чтобы он отпустил из Наркомата обороны всех, кого вы назовете. <…>

Мне было тридцать четыре года.

И.Т. Пересыпкин…А в бою еще важней.
«Советская Россия», М., 1970. С. 8, 9, 12–15, 16.

А.С. Яковлев, июнь 1939 года

Уже с начала лета 1939 года Сталин меня стал вызывать для консультаций по авиационным делам. Первое время меня смущали частые вызовы в Кремль для доверительного обсуждения важных вопросов, особенно когда Сталин прямо спрашивал:

– Что вы скажете по этому вопросу, как вы думаете? Он иногда ставил меня в тупик, выясняя мнение о том или ином работнике. Видя мое затруднительное положение, смущение и желая ободрить, он говорил:

– Говорите то, что думаете, и не смущайтесь – мы вам верим, хотя вы и молоды. Вы знаток своего дела, не связаны с ошибками прошлого и поэтому можете быть объективным больше, чем старые специалисты, которым мы верили, а они нас с авиацией завели в болото.

Именно тогда он сказал мне:

– Мы не знаем, кому верить.

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 153.

К.А. Мерецков, июнь – июль 1939 года

В конце июня 1939 года меня вызвал И.В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О.В. Куусинена. Я с ним впервые тогда познакомился. В ходе дальнейшей беседы меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правитель-

ства. Сталин сказал, что в дальнейшем при необходимости я могу обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией. Позднее, в период финской кампании, когда Отто Вильгельмович находился в Петрозаводске, я не раз советовался с ним по ряду проблем, вытекавших из хода военных действий.

После ухода Куусинена Сталин еще раз вернулся к вопросу о Ленинграде. Положение на финляндской границе тревожное. Ленинград находился под угрозой обстрела. Переговоры о заключении военного союза с Англией и Францией пока не приносят успеха. Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок – немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны.

Разведка сообщает, что ускоренное строительство укреплений и дорог на финляндской стороне границы продолжается. Имеются различные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии по Мурманску и Ленинграду. В этой связи на меня возлагается обязанность подготовить докладную записку. В ней следует изложить план прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны.

И.В. Сталин подчеркнул, что еще этим летом можно ждать серьезных акций со стороны Германии. Какими бы они ни были, это неизбежно затронет либо прямо, либо косвенно и нас и Финляндию. Поэтому следует торопиться. Через две-три недели я должен был доложить свой план в Москве. Независимо от этого, попутно на всякий случай форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Ускорить и развернувшееся в ЛВО военное строительство. Все приготовления держать в тайне, чтобы не сеять паники среди населения. Жданова держать в курсе дела. Мероприятия маскировать, осуществлять по частям и проводить как обычные учения, никак не подчеркивая, что мы вот-вот можем быть втянуты в большую войну.

Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. <…>

По всем вопросам, связанным с планом контрудара, я звонил непосредственно Сталину. Ему же лично докладывал обо всем, касавшемся финляндских дел, как летом – осенью 1939 года, так и на первом этапе финской кампании.

К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 177, 178,179.

А.С. Яковлев. Июль 1939 года

Был жаркий летний день 1939 года. По звонку Поскребышева я быстро собрался, через пятнадцать минут был уже в Кремле. Увидев меня, Александр Николаевич сказал: «Идите скорее, вас ждут».

В кабинете Сталин и Ворошилов о чем-то оживленно разговаривали. Поздоровавшись, Сталин сразу же спросил:

– Вот мы тут с Ворошиловым спорим, что важнее для истребителя – скорость или маневр? У летчиков мнения разные – одни за маневр, другие за скорость. Решили спросить у конструктора. Что скажете? Я ответил, что опыт воздушных боев в Испании уже дал убе-

дительный ответ на этот вопрос. Пока немцы не применили там скоростных «мессершмиттов», наши летчики на маневренных И-15 и И-16 били врага, а с появлением «мессеров» им пришлось туго.

– Вы уверены, что мы не ошибаемся, делая упор на быстроходные истребители? – Уверен, товарищ Сталин, – ответил я.

– Я тоже так думаю, – сказал Сталин, – а он вот сомневается.

– Душно сегодня… – Ворошилов расстегнул ворот своего маршальского кителя и, уклоняясь от дальнейшей дискуссии, с улыбкой обратился к Сталину, кивая на меня: – Вот ему хорошо, что с него возьмешь? Конструктор! Это он намекнул на мой легкомысленный наряд: тенниску с короткими рукавами и легкие спортивные брюки. Я смутился и вздумал оправдываться, что, мол, спешил, не успел переодеться… Сталин перебил меня:

– Ничего, ничего, я бы и сам так, да должность не позволяет.

Заходящее солнце заливало кабинет ярким светом. Сталин прохаживался, как обычно, от письменного стола к двери и обратно и внимательно слушал.

Я стоял лицом к нему, прислонившись к столу. Солнечные лучи меня слепили, и я невольно щурился. Сталин заметил это, подошел и опустил шторы на окнах.

– Теперь лучше? – спросил он.

– Спасибо, товарищ Сталин.

– Чего же спасибо, надо было раньше сказать. Через несколько дней меня снова вызвали к Сталину. У него был Молотов. После делового разговора я встал:

– Разрешите идти, товарищ Сталин?

– А вы спешите? Садитесь, хотите чаю?

Принесли три стакана чая с лимоном. Сталину – на отдельной розетке разрезанный пополам лимон. Он выжал одну половину в свой стакан.

– Ну, как дела, что говорят в Москве?

Настроение у Сталина было хорошее, благодушное, ему, видимо, хотелось отдохнуть, немного отвлечься от текущих дел и просто поговорить «без повестки дня».

Как и многих других москвичей, меня в то время возмущало, что по решению Моссовета уничтожили зелень на Садовом кольце. Замечательные московские бульвары, в том числе исторический Новинский бульвар (ныне улица Чайковского) с вековыми липами, безжалостно вырубили. Сплошную полосу зеленых насаждений вдоль многокилометрового кольца опоясывающей центр города садовой магистрали выкорчевали и залили асфальтом. Ходили упорные слухи, будто и Тверскому бульвару готовится такая же участь. Кажется, был самый подходящий случай поговорить об этом.

– Мне кажется, сейчас один из самых злободневных вопросов – это уничтожение бульваров на Садовом кольце. Москвичи очень огорчены этим и ломают голову: для чего это сделано? Ходит множество слухов и версий… – Ну и чем же объясняют? – насторожился Сталин.

– Одни говорят, что это делается на случай войны для более свободного прохождения через город войск и танков. Другие – что, опять-таки в случае войны, при газовой атаке деревья будут сборщиками ядовитых газов. Третьи говорят, что просто Сталин не любит зелени и приказал уничтожить бульвары.

– Чепуха какая! А кто говорит, что по моему распоряжению?

– Многие говорят.

– Ну а все-таки?

– Да вот я недавно был у одного из руководителей московской архитектурной мастерской и упрекал его в неразумной вырубке зелени. Он сам возмущался и сказал, что это сделано по указанию, которое вы дали при обсуждении плана реконструкции Москвы. Одним словом, по «сталинскому плану». Сталин возмутился:

– Никому мы таких указаний не давали! Разговор был только о том, чтобы привести улицы в порядок и убрать те чахлые растения, которые не украшали, а уродовали вид города и мешали движению.

– Вот видите, достаточно было вам заикнуться, а кто-то рад стараться, и вековые липы срубили.

Несмотря на явное огорчение Сталина, я не мог удержаться от вопроса:

– Ну а как же насчет Тверского бульвара?

– Не слышал. Откуда вы это взяли?

– Все так говорят…

– Ну, думаю, до этого не дойдет. Как, Молотов, не дадим в обиду Тверской бульвар? – улыбнулся Сталин.

Сталин молча допил свой стакан, придвинул ко мне лист бумаги и с карандашом в руке наглядно стал объяснять, как было дело.

Оказывается, при обсуждении плана реконструкции Москвы Сталин рассказал о том, что ему приходилось бывать на Первой Мещанской улице, которая, как он считает, является примером неудачного озеленения. Первая Мещанская (теперь проспект Мира) сама по себе была не очень широка, да еще по краям тянулись газончики с чахлой растительностью. Эти газончики суживали проезжую часть и тротуары и действительно не украшали, а уродовали улицу, так как вся трава на них была вытоптана, а кустарники ободраны.

– Я сказал об этом для того, – продолжал Сталин, – чтобы впредь под благоустройством улиц Москвы не понимали подобное «озеленение», – а Хрущев и Булганин истолковали это по-своему и поступили по пословице: «Заставь дурака богу молится – он лоб расшибет» (в то время Хрущев Н.С. – секретарь МК ВКП(б), Булганин Н.А. – председатель Моссовета. – Ред.) Вот, Молотов! Чего бы ни натворили, все на нас валят с больной головы на здоровую! – засмеялся Сталин.

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 153–155.

К.В. Киселев, 13 сентября 1939 года

Наступила осень 1939 года. Нападением Гитлера на Польшу началась Вторая мировая война. 13 сентября 1939 года Первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко и я, как Председатель Совнаркома БССР, были вызваны в Москву к И.В. Сталину.

Когда мы вошли в кабинет, Сталин встретил нас словами: «Вот и белорусы прибыли» – и пригласил сесть за стол. Кабинет поразил нас своей скромностью и простотой. Стены были облицованы светлой дубовой панелью, через весь кабинет была постлана ковровая дорожка к письменному столу. Над письменным столом висел большой портрет Владимира Ильича, справа в углу – посмертная маска Ленина. На письменном столе лежали книги и папки, стоял чернильный прибор. За столом кожаное кресло, возле него столик с различного цвета телефонами, книжный шкаф и кожаный диван. Слева – длинный стол для заседаний, покрытый сукном, вокруг него стояли тяжелые стулья. На стенах висели географические карты, диаграммы о развитии стахановского движения. Вскоре прибыли все приглашенные. От Украинской ССР присутствовали Н.С. Хрущев и Л.Р. Корниец.

В те дни возник вопрос о помощи западным белорусам и украинцам, оказавшимся в беде в связи с развивавшейся гитлеровской агрессией. Буржуазно-помещичья Польша стояла перед полным военным разгромом. Немецко-фашистские войска приближались к западным областям Белоруссии и Украины, готовясь захватить их. В создавшейся обстановке Совет-

ский Союз, естественно, не мог оставаться равнодушным к судьбам братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии, он считал своим священным долгом прийти им на помощь. <…>

<…> После заседания И.В. Сталин пригласил всех присутствовавших к себе на дачу.

Был прохладный сентябрьский вечер. Перед нами предстал одноэтажный, окруженный со всех сторон густыми фруктовыми деревьями дом. Сталин пригласил в столовую, очень просто и скромно обставленную. Наше внимание привлек большой красивый камин, в котором, потрескивая, горели дрова. Сталин подошел к камину, подложил березовых дров, и вскоре пламя осветило всю комнату. Я засмотрелся и не заметил, как все сели за стол, осталось лишь свободное место рядом со Сталиным. Заметив мое смущение, хозяин дома пригласил сесть с ним рядом.

На стол поставили три супницы – с картофельным супом, бульоном и украинским борщом. Сталин первый налил себе картофельного супа и пригласил отведать, что кому нравится. Я взял тарелку и налил себе картофельного супа. Сталин в шутку сказал, что украинцы обязательно выберут борщ. Так и получилось.

Обед длился около трех часов. Было произнесено много тостов.

И.В. Сталин был приветливым и заботливым хозяином. Он спросил, сколько мне лет. «Тридцать пять», – ответил я. Сталин подробно интересовался положением дел в Белорусской ССР. А мне особенно запомнился рассказ о посещении им Белоруссии во время войны с белополяками. Сталин прекрасно отзывался о белорусском народе, высоко ценил революционные традиции белорусских рабочих.

После обеда все пошли смотреть фильм «Трактористы», и только под утро я вернулся в гостиницу.

17 сентября 1939 года в два часа ночи мы выехали на границу в штаб командующего Белорусским военным округом Михаила Прокофьевича Ковалева. Войска заняли исходные позиции. В 5.40 утра они перешли белорусско-польскую границу; организованного сопротивления им не было оказано.

К.В. Киселев. Записки советского дипломата.
Политиздат. М., 1971. С. 28–30.

А.С. Яковлев, октябрь 1939 года

По возращению из Германии, вечером, только я с вокзала приехал домой, позвонил Поскребышев и предложил сейчас же приехать в Кремль.

У Сталина в кабинете был народ. Шло обсуждение каких-то вопросов. Он поздоровался и пошутил:

– Значит, вас прямо с корабля на бал, посидите, послушайте. Мы скоро кончаем и тогда поговорим с вами. Через некоторое время он предложил подробно рассказать о поездке. Слушали очень внимательно, не перебивая.

Я не скрыл, что в нашей авиационной группе были разногласия. Наши военные руководители считали, что немцы обманывают нас, втирают очки, показывают старье. Что самолеты «мессершмитт», «юнкерс» и другие – это устаревшие, не современные машины, а что с современной техникой нас не познакомили. Работники промышленности, наоборот, считали, что такие самолеты, как истребители «мессершмитт», бомбардировщики «юнкерс», – сегодняшний день немецкой военной авиации. Правда, и нас смущало то, что если эта техника современная, то почему ее нам показывают. Однако мы твердо считали, что технику эту надо закупить и как следует изучить.

Сталин очень интересовался вооружением немецких самолетов: стрелково-пушечным, бомбовым, а также сравнением летно-технических данных с нашими машинами аналогичных типов.

Разговор затянулся до поздней ночи и закончился уже на квартире у Сталина за ужином.

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 150.

Н.Г. Кузнецов, осень 1939 года

Мне хорошо запомнился случай, когда на просьбу увеличить ПВО на кораблях мне ответили:

– Воевать будем не у берегов Америки… Все это объясняется, как мне кажется, тем, что недооценивалась опасность для кораблей с воздуха. <…>

Вместе с тем у Сталина было особое, трудно объяснимое пристрастие к тяжелым крейсерам. Я об этом узнал не сразу. На одном из совещаний я сделал несколько критических замечаний по проекту тяжелых крейсеров. Когда мы вышли из кабинета, руководящий работник Наркомсудпрома А.М. Редькин предупредил меня:

– Смотрите не вздумайте и дальше возражать против этих кораблей. – И доверительно пояснил, что Сталин не терпит малейших возражений против тяжелых крейсеров.

Об увлечении И.В. Сталина линкорами я знал и раньше. Однажды осенью 1939 года мы были у него на даче. Помнится, из Таллина приехали К.А. Мерецков и И.С. Исаков. Когда официальная часть разговора окончилась, за ужином зашла речь о Балтийском театре. Я высказал свое сомнение относительно линкоров – не о том, нужны ли в принципе такие корабли, а конкретно, следует ли их строить для мелководного Балтийского моря, где линкоры легко могут подрываться на минах.

Сталин встал из-за стола, прошелся по комнате, сломал две папиросы, высыпал из них табак, набил трубку, закурил.

– По копеечке соберем деньги, а построим, – чеканя каждое слово, проговорил он, строго глядя на меня. Я подумал, что у него есть какие-то свои планы, делится которыми он не считает нужным.

Возможно, так оно и было.

Выполнение большой судостроительной программы началось в 1937–1938 годах. Проектирование и закладка кораблей велись в чрезвычайно быстром темпе. Еще больший размах дело приобрело в 1939 году. Сотни заводов работали на Наркомат судостроения, изготовляя механизмы и вооружение. Но для вступления в строй крупного корабля требовалось примерно три-пять лет.

Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат. М., 1969. С. 284–285.

А.А. Громыко. Осень 1939 года

…Однажды меня позвал к себе в кабинет один из руководителей наркомата и сообщил:

– Вас вызывают в Кремль, к Сталину.

Новость неожиданная… И.В. Сталина я до этого видел только на расстоянии. Это было на Красной площади, где он приветствовал демонстрантов. И лишь однажды – в президиуме торжественного заседания в Большом Кремлевском дворце, куда меня пригласили вместе с другими представителями предприятий и учреждений, в том числе и научных.

В считаные минуты я прибыл в Кремль.

В приемной, рядом с кабинетом Сталина, находился невысокий подтянутый человек. Я представился. В ответ он сказал:

– Поскребышев. Это был помощник и секретарь Сталина. Он вошел в кабинет и доложил о моем приходе.

И вот я в кабинете Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше – для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

– Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, должны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: «Дипломаты как солдаты».

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало придать особое значение в советско-американских отношениях.

– С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, – говорил он, – Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы. Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением. Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

– Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, – добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня.

Сразу же поинтересовался:

– А в каких вы отношениях с английским языком? Я ответил:

– Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика. И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

– А почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

Я несколько смутился. Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал <…>. Я, как говорят, сам себе язык прикусил и хорошо сделал. Конечно, услышав такой вопрос, Сталин, наверно, превратил бы свой ответ в шутку, он в аналогичных случаях нередко прибегал к ней, как я убеждался впоследствии. Но тогда, в ту первую встречу, искушать судьбу мне не хотелось.

В США в церкви и соборы я, конечно, не ходил. Это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина.

Так произошла моя первая встреча со Сталиным.

А. Громыко. Памятное, кн.1.
Политиздат, М., 1988. С. 75–77.

А.С Яковлев, 1939 год

Однажды, в подходящий момент, в присутствии Молотова, после обсуждения авиационных вопросов, я решил поделиться со Сталиным своими мыслями о строительных делах. В то время я находился под впечатлением строительства нашего нового конструкторского бюро и сборочного цеха. Огорчали бюрократические трудности, которые приходилось преодолевать в ходе стройки.

Я привел примеры косности наших строителей и рассказал, в частности, о тех препонах, которые ставятся под видом норм, стандартов и всевозможных положений. Говорят о стандартах, а в то же время каждая архитектурная мастерская проектирует заново все от начала до конца, вплоть до оконных шпингалетов и дверных ручек.

– Вмешиваются в каждую мелочь, не дают шагу ступить и все ссылаются на строительные законы, – жаловался я. – А мне хочется свое КБ сделать поскорее и не хуже, чем на Западе.

– А вы их не слушайте, если уверены в своей правоте, делайте как считаете нужным, – сказал Сталин. – Как же не слушать – не дадут строить!

– Очень просто, скажите, что Сталин и Молотов разрешили.

– Кто же этому поверит?

– Пусть у нас проверят, мы подтвердим. Вспоминается и такой случай. Однажды вызвали меня и дали важное задание. Сталин сказал:

– Дело срочное, выполнить его нужно быстро. Чем помочь? Я говорю:

– Ничего не нужно, все у меня есть для того, чтобы сделать.

– Хорошо, если что будет нужно, – не стесняйтесь, звоните, обращайтесь за помощью. Тут я вспомнил:

– Товарищ Сталин, есть просьба! Но это мелочь, стоит ли вас утруждать? – А ну!

– При выполнении этого задания потребуется много ездить по аэродромам, а у меня на заводе плохо с автотранспортом, мне нужно две машины М-1.

– Больше ничего? Только две машины?

– Да, больше ничего. Из Кремля я вернулся на завод. Встречает меня заместитель:

– Сейчас звонили из Наркомата автотракторной промышленности, просили прислать человека с доверенностью – получить две машины М-1.

И дает подписать доверенность. На другой день две новенькие машины М-1 были уже в заводском гараже.

К вечеру позвонили из ЦК: спросили, получены ли автомашины. Это уже проверка исполнения.

В 1939 году я получил новую квартиру в доме наркомата на Патриарших прудах. Там же поселились конструкторы Ильюшин и Поликарпов.

Дом – новый, телефон поставили только Поликарпову. Несколько раз по вызову Сталина меня приглашали к телефону в квартиру Поликарпова, расположенную этажом ниже. Я чувствовал себя страшно неловко. Поэтому однажды, когда прибежавшая работница Поликарпова сказала, что меня просят сейчас же позвонить Поскребышеву, т. е. Сталину, я, чтобы не стеснять Поликарпова, пошел в соседний магазин и позвонил из автомата. В разговоре Сталин спросил, почему я так долго не звонил. Я объяснил, что звоню из автомата. Он удивился:

– Как, у вас нет телефона? На другой день, вернувшись вечером с работы, я увидел в квартире городской телефон.

Но это было еще не все. При ближайшем разговоре Сталин поинтересовался некоторыми подробностями вооружения одного нового самолета и задал вопрос, на который я отказался ответить.

– Не могу, товарищ Сталин, говорить об этом.

– Почему?

– Такие вопросы по городскому телефону обсуждать запрещено.

– Ах, верно, я и забыл! А что, у вас на квартире нет прямого телефона? – Конечно нет.

– По штату не положено? – засмеялся Сталин. – Ну хорошо, спокойной ночи.

И опять, точно так же, как и в первом случае, на следующий день я обнаружил у себя на письменном столе рядом с городским телефоном еще один аппарат. Это был правительственный телефон, так называемая «вертушка». «Вертушкой» он назывался потому, что в то время в Москве городская телефонная сеть была ручной, то есть приходилось называть номер телефонистке центральной станции, а в Кремле установили первую в Москве автоматическую телефонную станцию.

А.С. Яковлев. Цель жизни.

Политиздат, М., 1987. С. 153–157.

В. С. Емельянов, 1939 год

<…> нас пригласили в зал заседания. В круглом зале, где оно проходило, народу было немного. Я разглядел В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, И.Т. Тевосяна, начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, Б.Л. Ванникова, С.А. Акопова.

В стороне ото всех, недалеко от длинного стола, покрытого красным сукном, я увидел И.В. Сталина. На столе не было ничего, кроме двух коробок папирос и спичек. Сталин медленно расхаживал. В одной руке у него был блокнот, а в другой – карандаш. Он курил хорошо знакомую всем короткую трубочку.

Когда все приглашенные вошли и разместились, Молотов сказал, что в правительство внесен проект об изготовлении танков с новым типом брони, который и надлежит рассмотреть.

– Кто доложит? – спросил Сталин, обращаясь к Павлову. – Вы мне говорили, что эта броня была в дальнейшем усовершенствована. Может быть, сразу же и послушаем автора предложения. Он здесь? Пригласили его?

Николаев поднялся со своего места.

– Расскажите о вашем предложении, – сказал Сталин.

Николаев подошел к столу и стал докладывать. Он излагал суть предложения ясно, избегая специальной терминологии, и закончил свое сообщение чрезвычайно эффектно:

– Все существующие типы брони являются пассивными средствами защиты, предложенная нами броня является броней активной, она, разрушаясь, защищает.

Я видел, что доклад Николаева произвел очень хорошее впечатление на всех присутствующих. Слушали его с большим вниманием.

<…> «Николаев, безусловно, способный инженер, хотя эта его идея и не имеет практической ценности», – думал я в то время, когда он докладывал.

Пока Николаев говорил, Сталин курил трубочку, внимательно смотрел на него и только изредка поднимал опущенную руку с блокнотом и делал в нем какие-то пометки.

Когда Николаев произнес: «Она, разрушаясь, защищает», – Сталин вынул трубочку и повторил эту фразу:

– Она, разрушаясь, защищает. Интересно. Вот она, диалектика в действии!.. Ну а что по этому вопросу говорят представители промышленности, товарищ Николаев? Как они относятся к вашему предложению? – спросил Сталин.

– Они возражают против этого типа броневой защиты, – бойко ответил Николаев.

– Почему?

Я видел, как Сталин нахмурился. Мне стало не по себе. Все сидящие внимательно следили за происходящим диалогом. Я видел, как Тевосян переводил свой взгляд то на Сталина, то на Николаева. Николаев молчал, видимо, собираясь с мыслями.

– В чем же заключается существо их возражений? – повторил свой вопрос Сталин и медленно направился к Николаеву. Наконец Николаев, несколько волнуясь, ответил:

– Никаких аргументов по существу предложения я от них не слышал. Они просто заявляют, что чудес на свете не бывает.

– Кто так говорит? – И глаза Сталина впились в него.

Николаев заколебался, было видно, как он волнуется. И наконец, опустив голову, тихо произнес:

– Не помню, товарищ Сталин, кто так говорил.

«А ведь это моя фраза, это я так сказал, – сердце неприятно заныло. – Что будет?»

– Так и не помните?

Николаев, вероятно, взял себя в руки и уже тверже, нежели в первый раз, повторил:

– Нет, не помню, товарищ Сталин.

– Напрасно, таких людей помнить надо! – жестко сказал он и, резко повернувшись, подошел к столу. Вынув трубочку, Сталин начал стучать ей по крышке стола, выбивая пепел.

«А Николаев, – подумал я, – порядочный человек. Ведь как автор предложения он – не только был оскорблен, но и осмеян мною перед самым совещанием. Своим ответом «не помню» он произвел на Сталина неблагоприятное впечатление. Его звезда только начинала светить, и он сам сознательно ее погасил».

Мне стало как-то не по себе. «Почему я был так резок в суждениях? Может, следовало бы с ним поговорить до того, как предложение было внесено в правительство? Разъяснить ему всю несуразность производства танков с таким типом брони. Он человек не глупый, мог понять свое заблуждение и отказаться от него. У меня опыта больше, я старше Николаева. Ну, почему я не сделал этого раньше, не поговорил с ним по-товарищески? Теперь уже поздно!»

Все это молнией пронеслось в голове, а глаза следили за Сталиным.

Вот он выбил из трубочки пепел. Поднес ближе к глазам и заглянул в нее. Затем из стоящей на столе коробки папирос «Герцоговина флор» вынул сразу две папиросы и сломал их.

Положив мундштук на стол, он стал вертеть концы папирос с табаком над трубкой и заполнять ее табаком. Пустую папиросную бумагу он положил на стол около коробки с папиросами. Примял большим пальцем табак в трубочке. Медленно вновь подошел к столу, взял коробку со спичками и чиркнул.

– Вы мне говорили, – приближаясь к Павлову, произнес Сталин, вынув изо рта раскуренную трубку, – что у вас кто-то занимался в Испании этим типом броневой стали.

Павлов поднялся с места и сказал:

– Генерал Алымов.

– Он здесь? Алымов поднялся.

– Может быть, вы нам расскажете, что вы там делали?

Алымов коротко доложил, как в Барселоне было налажено производство двухслойной брони. Листы этой брони соединялись заклепками и укреплялись на корпусе танка. Такая броня не пробивалась при обстреле ни простой, ни броневой пулей. Доклад его напоминал скорее рапорт.

Павлов сказал:

– Для нас, военных, этот вопрос ясен – надо начинать делать такие танки.

– Ну что же, на этом можно закончить обсуждение, – сказал Молотов. – Кто был приглашен на этот вопрос, может быть свободен.

Мы вышли из Кремля. Шел второй час ночи.

В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия», М., 1971. С. 72–75.

В.С. Емельянов, декабрь 1939 года

Зимой 1939 года во время войны с Финляндией Северный завод много работ выполнял непосредственно для фронта. Однажды в Москву прибыл директор вместе с начальником конструкторского бюро. <…>

– На заводе создана броневая защита для лыжников, – сказал директор. – Легкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадет в поле обстрела, то он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя закрепленную на лыжах броневую защиту. <…>

На следующий день отправились в Кремль. В кабинете у Сталина я никогда раньше не был. Нам указали, как пройти. У входа в здание часовой долго держал наши пропуска. Мы поднялись по лестнице. Прошли к Поскребышеву. Он открыл дверь кабинета Сталина и сказал:

– Проходите.

Мы робко вошли. Положили лыжи, укрепили щиток и стали ждать. Вскоре кабинет стал наполняться народом. Пришли Ворошилов, Кулик, Шапошников, Тевосян, Ванников. Он в то время был наркомом вооружения и пришел сюда, видимо, по другому делу. В руках у Ванникова был автомат. Производство этого оружия только что начиналось. Все говорили вполголоса, и это подчеркивало какую-то особую атмосферу, царившую в кабинете.

Ровно в пять появился Сталин. Он поздоровался со всеми за руку, подошел к щитку. Окинув его взглядом, опустился на колени и, обращаясь к Ванникову, произнес:

– Дайте автомат.

Ванников подал автомат Сталину и отошел. Сталин лег на пол, просунул ствол автомата через щель броневого щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение передвигая щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его в щель.

В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла по металлу. Наконец, Сталин поднялся, протянул автомат Ванникову и произнес:

– Щель для стрельбы лучше сместить на двадцать миллиметров вправо. Вот здесь, – он указал место на щитке, – следует укрепить полочку, чтобы обоймы с патронами на нее можно было класть. А то стрелок протянет руку к патронташу за обоймой, плечо у него приподнимется, выйдет из броневой защиты и снайпер может пристрелить его. Конструктор держал блокнот и тщательно все записывал. А Сталин продолжал делать замечания:

– В последнее время много ранений в пах. При таких ранениях часто атрофируются нижние конечности. Для того, чтобы избежать таких поражений, необходимо удлинить открылки у щитка так, чтобы защитить и эту часть тела. К Сталину подошел Кулик и произнес: – Надо обязать промышленность поставить армии… – И он назвал несуразное количество щитков. Сталин взглянул на Кулика с каким-то пренебрежением и сказал:

– На заводах тоже большевики есть, они сделают столько, сколько сделать можно. Не думайте, что вы один беспокоитесь о вооружении нашей армии.

Сталин опять подал каждому руку и, попрощавшись, вышел из кабинета.

В.С. Емельянов. На пороге войны.

«Советская Россия». М., 1971. С. 154, 156–158.

1940 год

А. И. Шахурин, 10 января 1940 года

<…> В первых числах января 1940 г. в Горький, где я работал секретарем обкома партии, позвонили из Центрального Комитета. Мне был задан один вопрос:

– Товарищ Шахурин, можете ли вы сегодня выехать в Москву? Я ответил, что сейчас идет сессия областного совета депутатов трудящихся, я председательствую на ней, продлится она весь сегодняшний, а возможно, и завтрашний день.

– Тогда, товарищ Шахурин, – сказали мне, – объясните товарищам, что вас срочно вызывают в ЦК.

– Хорошо.

– А возможность выехать немедленно есть?

– Через два часа отходит поезд.

– Тогда выезжайте. <…> Утром 10 января, к началу рабочего дня, я был в ЦК.

– Очень хорошо. – сказали мне. – Побудьте здесь. Если в отделах у вас есть какие-либо дела, займитесь ими, но так, чтобы мы знали, где вы находитесь, и в любой момент могли вас разыскать.

Ничего не ясно. Значит, вопрос, по которому меня вызывали, будет решаться не здесь или же здесь, только в другое время. Но почему тогда вызов был таким срочным? Зашел в один отдел, другой, поговорил с товарищами о разных делах, но мысль о том, зачем вызвали, не давали покоя. Так прошел весь день. Наконец, около пяти часов мне сказали, что нужно ехать в Кремль к товарищу Сталину.

Путь от Старой площади до кремлевского здания, где работал Сталин, короток, но нетрудно представить, сколько мыслей промелькнуло у меня в голове за эти недолгие минуты.

Автомобиль нырнул в ворота Спасской башни, и мы подъехали к нужному нам зданию. Поднялись на второй этаж, вошли в приемную. Нас уже ждали и без промедления провели в кабинет. Это была длинная комната, в которой стоял большой, покрытый синим сукном стол с придвинутыми стульями, а чуть поодаль – еще письменный стол и столик с телефонными аппаратами. В кабинете находились Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены Политбюро. Все, кроме Сталина, ходившего по комнате, сидели.

Сталин предложил нам сесть и некоторое время молча продолжал ходить. Потом остановился около меня и сказал:

– Мы хотим назначить вас наркомом авиационной промышленности. Нужны свежие люди, хорошие организаторы и знающие к тому же авиационное дело. Как вы на это смотрите?

Предложение было неожиданным. Я не знал, что сказать. Ответил: вряд ли справлюсь с этим делом. Тем более в Горьком я недавно, работать там интересно, есть немало планов на будущее, которые хотелось бы осуществить.

В разговор вмешался Ворошилов. Со свойственным ему добродушием он заметил:

– Вон какой областью руководите и тут справитесь.

Молотов попросил меня уточнить, где я работал раньше, особенно интересовался работой в Военно-воздушной академии. Задавали еще вопросы. В это время к Сталину подошел его секретарь Поскребышев и что-то доложил. Сталин сказал:

– Пусть заходит!

Поскребышев вышел и вернулся с молодым человеком в военной форме. Обращаясь ко мне, Сталин спросил:

– Вы знакомы?

– Нет, – ответил я.

– Тогда познакомитесь. Это конструктор Яковлев. – И показал на меня. – А это новый нарком авиационной промышленности товарищ Шахурин.

Я понял, что вопрос о моем назначении решен. Сталин спросил меня:

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять, – отозвался я.

– Ну вот видите, – бросил он Яковлеву, – какой молодой у вас нарком. Это хорошо.

Я заметил, что с приходом Яковлева у Сталина появился шутливый тон. До этого, как мне казалось, в его голосе слышались нотки сомнения, озабоченности.

Подойдя снова ко мне, Сталин сказал:

– Товарищ Яковлев будет вашим заместителем по опытному самолетостроению. О других заместителях поговорим потом, а сейчас скажите, кого бы вы рекомендовали секретарем обкома в Горьком вместо себя? Я назвал председателя облисполкома Михаила Ивановича Родионова, который до этого работал третьим секретарем обкома и занимался в области сельским хозяйством.

– А почему вы рекомендуете именно его? – спросил Сталин.

– Я его хорошо знаю.

И охарактеризовал Михаила Ивановича. Коренной горьковчанин. По образованию учитель. Долго работал секретарем райкома, хорошо знает людей. Пользуется у них доверием, авторитетом. Одним словом, во всех отношениях человек для этой работы наиболее подходящий.

И я не ошибся. Всю войну Михаил Иванович был секретарем обкома, и хорошим секретарем, а после войны возглавил Совет Министров РСФСР.

Разговор подошел к концу. Я попросил разрешения съездить в Горький, чтобы сдать дела. Сталин немного помедлил, а затем сказал, что сделать это вряд ли удастся:

– Дела передать нужно в Москве. Работа, которая вас ждет, не терпит отлагательства. Всех, кого нужно, пригласим сюда. А в Горький мы пошлем представителя ЦК, который доложит обкому о принятом решении. Вам же нельзя терять ни одного часа.

Пока я шел в гостиницу, в Горьком уже узнали о моем новом назначении. Родионов выезжал в Москву.

Утром началось знакомство с работой Наркомата авиационной промышленности. Порядок установили такой: каждый день заслушивали и обсуждали доклад одного из руководителей главков в присутствии заводских работников и работников аппарата. В ходе обсуждения вносили предложения, направленные на улучшение дела. <…>

В процессе этих обсуждений я окончательно понял, почему столь решительно и срочно Центральный Комитет партии начал проводить целый комплекс мероприятий, которые должны были резко изменить состояние нашей авиационной промышленности.

Дело действительно не терпело отлагательства – необходимо было в короткие сроки ликвидировать отставание в развитии авиационной техники.

А.И. Шахурин. Крылья победы.

Политиздат, М., 1985. С. 8—11.

А.С. Яковлев, 9—11 января 1940 года

Конец декабря 1939 года.

У Сталина хорошее настроение, он шутит, смеется. Расхаживает вдоль кабинета, пыхтит погасшей трубкой.

– А сколько вам лет, молодой человек?

– Тридцать три, товарищ Сталин.

– Сколько, сколько? Тлицать тли, – шутит он, желая подчеркнуть мое «младенчество». – Это хорошо.

Набил трубку табаком, разжег ее, остановился передо мной и уже серьезно:

– Вы коммунист?

– Да, товарищ Сталин.

– Это хорошо, что коммунист, это хорошо… И он опять стал прохаживаться, повторяя в раздумье: «Хорошо, хорошо»… Очень скоро я понял, почему в этот вечер Сталин интересовался моим возрастом и партийной принадлежностью. <…>

9 января 1940 года произошло событие, оказавшее большое влияние на всю мою будущую работу, особенно во время войны.

Я сидел за столом в кабинете у себя в конструкторском бюро, занятый составлением доклада о ходе испытаний нашего истребителя. Раздался звонок кремлевского телефона, и мне сообщили, что будет говорить Сталин.

– Вы очень заняты? Вы не могли бы приехать сейчас? Нам

надо решить с вашей помощью один организационный вопрос. Я вызвал машину и через 15 минут был в Кремле.

– Вас ждут, идите скорее, – сказал Поскребышев.

В кабинете, кроме нескольких членов Политбюро, находился также коренастый, русоволосый, не знакомый мне еще человек.

Сталин поздоровался, пригласил сесть и сказал, что ЦК решил освободить от должности наркома авиационной промышленности М.М. Кагановича, как не справившегося. Сталин дал Кагановичу довольно нелестную деловую характеристику:

– Какой он нарком? Что он понимает в авиации? Сколько лет живет в России, а по-русски как следует говорить не научился!

Тут мне вспомнился один эпизод. Незадолго до того М.М. Каганович при обсуждении вопросов по ильюшинскому самолету выразился так: «У этого самолета надо переделать «мордочку».

Сталин прервал его: «У самолета не мордочка, а нос, а еще правильнее – носовая часть фюзеляжа. У самолета нет мордочки. Пусть нам лучше товарищ Ильюшин сам доложит».

Новым наркомом назначался Алексей Иванович Шахурин. Мы были представлены друг другу.

– А вас решили назначить заместителем к товарищу Шахурину. Будете заниматься в авиации наукой и опытным строительством.

Я был поражен. Ожидал чего угодно, но только не такого предложения. Я стал отказываться. Приводил множество, казалось, убедительных доводов, а, главное, старался доказать, что не могу быть на такой большой руководящей работе, не справлюсь, не имею достаточного опыта.

На это мне ответили, что Шахурин тоже не имеет такого опыта, он секретарь Горьковского обкома партии.

– Я специалист-конструктор, а не руководящий работник.

– Это как раз и хорошо.

– Я еще очень молод.

– Это не препятствие, а преимущество. Я доказывал, наконец, что не могу бросить конструкторскую работу, так как без нее не смогу жить.

Мне ответили, что никто и не заставляет меня бросать деятельности конструктора. Новый нарком создаст условия, при которых я смогу сочетать обязанности заместителя наркома с творческой работой по созданию самолетов.

Я сказал, что не выдержу режима работы, намекая на то, что в наркомате засиживаются до 2–3, а то и до 4 часов утра каждодневно. На это мне возразили, что режим работы я могу установить себе сам, лишь бы дело шло успешно.

Вот что еще меня беспокоило: я конструктор и, находясь на посту заместителя наркома по опытному самолетостроению, могу стать притчей во языцех: конструкторы будут меня обвинять в необъективности, в том, что я затираю других.

На это Сталин возразил: как лицо, отвечающее за опытное самолетостроение, я на посту заместителя наркома буду заинтересован в том, чтобы все коллективы свободно развивались и приносили максимум пользы; если я буду добросовестно работать, то создам возможности для успешной деятельности всех наших конструкторов. Кроме того, он еще раз подчеркнул, что никто не думает лишать меня возможности работать конструктором. Наоборот, надеются, что я и впредь буду давать хорошие самолеты.

Словом, ни один мой довод не был принят во внимание. Но я стоял на своем.

– Значит, заместителем наркома не хотите быть?

– Не хочу, товарищ Сталин.

– Может быть, вы хотите быть наркомом? – улыбнулся он и уже серьезно спросил: – Вы коммунист? Вы признаете партийную дисциплину? Я сказал, что признаю и что если вопрос ставиться в такой плоскости, то мне придется подчиниться, но это будет насилие. Сталин рассмеялся:

– А мы не боимся насилия, мы не остановимся, когда нужно, перед насилием. Иногда насилие бывает полезно, не было бы насилия, не было бы революции. Ведь насилие – повивальная бабка революции…

Конечно, я был горд доверием, которое оказывала мне партия. Но в глубине души искренне боялся, сумею ли оправдать это доверие на большой, ответственной и совершенно новой для меня работе.

11 января 1940 года было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров СССР о назначении меня заместителем народного комиссара авиационной промышленности по опытному самолетостроению и науке.

А.С. Яковлев. Цель жизни.

Политиздат, М., 1987. С. 157–158, 159–161.

А.И. Шахурин, январь 1940 года

Вспоминаю случай, который для меня и для многих других работников наркомата послужил важным уроком, настроив нас на очень деловой лад во всем.

Это произошло после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Сталин, что называется, с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных «почему». Я настолько опешил, что еле вымолвил:

– Товарищ Сталин, вы, может быть упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности? И услышал в ответ:

– Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я никого не трогал? С кого

же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиационной промышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других – требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия.

В этой обстановке, когда все делалось для того, чтобы убыстрить, ускорить, способствовать проведению всех мероприятий по созданию качественно новой авиации, я остро ощущал ту великую ответственность, с которой наше государство и наша партия готовились к будущим испытаниям. Предпринималось все, чтобы как можно лучше подготовить страну к обороне в возможно короткие сроки.

А.И. Шахурин. Крылья победы.
Политиздат, М., 1985. С. 76–77.

В.С. Емельянов, март 1940 года

<…> Вопрос о литых танковых башнях будет рассматриваться на этот раз уже в Политбюро. Отправляемся вместе с Носенко в Кремль.

В приемной главным образом военные из Автобронетанкового управления. Здесь же Тевосян – уже нарком черной металлургии. <…>

Докладывал Ворошилов, держа в руке проект решения, подготовленного Комитетом обороны. Сталин подошел к нему и взял листок. Прочитал его и, обращаясь к начальнику автобронетанкового управления Я.Н. Федоренко, спросил:

– Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня? Федоренко стал говорить о том, что литую башню можно изготовлять в литейных цехах, в то время как для производства башен старого типа требуются для штамповки отдельных деталей мощные прессы.

– Я вас не об этом спрашиваю. Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня, а вы мне говорите о технологических преимуществах. Кто у вас занимается военной техникой?

Федоренко назвал генерала И.А. Лебедева.

– Здесь он?

Генерал Лебедев поднялся. Сталин повторил вопрос. Лебедев заколебался и начал по существу повторять слова, сказанные Федоренко. Сталин нахмурился и сердито спросил:

– Вы где служите: в армии или в промышленности? Я третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах новой башни, а вы мне говорите о том, какие возможности открываются перед промышленностью. Может быть, вам лучше будет перейти на работу в промышленность?

Генерал молчал. Я почувствовал, что решение о переходе на литые башни может быть не принято, и, подняв руку, попросил слова. Обращаясь в мою сторону, Сталин сказал:

– Я спрашиваю о тактико-технических преимуществах.

– Я об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

– Вы что, военный?

– Нет.

– Что вы хотите сказать? – с недобрым выражением лица спросил Сталин. Я вынул из папки карточки с результатами обстрела брони и подошел к Сталину.

– У старой башни, сваренной из отдельных деталей, имеются уязвимые места – сварные швы. Новая – монолит, она равнопрочна. Вот результаты испытания обоих типов на полигоне путем обстрела.

Сталин посмотрел карточки, вернул их мне и сказал:

– Это соображение серьезное. Он отошел в другой конец комнаты.

– Скажите, а как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую башню? Конструктор машины здесь? Поднялся конструктор.

– Если и изменится, товарищ Сталин, то незначительно.

– Незначительно – это не инженерный термин. Вы считали?

– Нет, не считал.

– А почему? Ведь это военная техника.

Я хотел высказать свое мнение и, подняв руку, громко произнес:

– Иосиф Виссарионович!

Сталин посмотрел в мою сторону, и вновь я увидел на его лице прежнее выражение. «Почему он так смотрит на меня?» – подумал я.

А Сталин отвернулся и прошел дальше в противоположный от меня угол комнаты. Я сел. И вдруг шепот сидящего сзади меня разъяснил все:

– Никогда не называйте его Иосиф Виссарионович – это он позволяет только очень узкому кругу близких людей. Для всех нас – он Сталин. Товарищ Сталин.

Вдруг обернувшись к конструктору и не спуская с него глаз, Сталин спросил, как изменится нагрузка на переднюю ось танка. Конструктор, встав, тихо сказал:

– Незначительно.

– Что вы твердите все время «незначительно» да «незначительно», скажите, вы расчеты делали?

– Нет, – тихо ответил конструктор.

– А почему? Конструктор молчал. Сталин положил на стол находившийся у него в руках листок с проектом решения и сказал:

– Я предлагаю отклонить предложенный проект постановления как неподготовленный. Указать товарищам, чтобы они с такими проектами в Политбюро не входили. Для подготовки нового проекта выделить комиссию, в состав которой включить Федоренко, его, – он указал на наркома автотракторной промышленности С.А. Акопова, – и его, – палец Сталина указывал на меня.

В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия», М., 1971. С. 178 179–181.

А.С. Яковлев, март 1940 года

Не успел я еще как следует освоится с новой должностью, как в марте 1940 года пришлось вторично поехать в Германию с экономической делегацией И.Ф. Тевосяна. Это произошло так же неожиданно, как и в первый раз.

Первоначально меня не включили в состав авиационной группы этой делегации. Авиационных специалистов представляли два десятка работников промышленности и Военно-Воздушных Сил. Как потом стало известно, за несколько дней до отъезда Сталин просматривал списки членов делегации и почему-то обратил внимание на отсутствие в списке моей фамилии. И тут же дал указание назначить меня руководителем авиационной группы.

За два дня до отъезда он вызвал меня к себе и стал говорить о задаче, возлагавшейся на комиссию. Она заключалась в том, чтобы в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представлявшую для нас наибольший интерес. Требовалось сопоставить уровень наших самолетов и немецких, изучить технические новинки в области авиации вообще.

Внимательно выслушав Сталина, я, в свою очередь, поставил перед ним несколько вопросов.

Первый вопрос – о составе авиационной группы. Я считал, что поскольку мне придется отвечать за выполнение порученных группе заданий, то я имею право скорректировать состав ее участников, на что мне сразу же было дано согласие.

Второй вопрос был довольно щекотливым. Я сказал Сталину, что следовало бы создать для членов делегации приличные материальные условия. Некоторые товарищи стремятся экономить деньги на гостинице, на транспорте, на чаевых, чем иногда компрометируют себя в глазах иностранцев. А ведь по отдельным мелким штрихам нашего поведения за границей судят в целом о советских людях и о нашей стране.

– Зачем экономят?

– Да как же? Ведь каждый хочет привезти из-за границы своим домашним какие-нибудь гостинцы, сувениры, вот и экономят на копейках…

– Понятно, а сколько суточных получают наши командированные? – спросил Сталин.

– Пятнадцать марок в сутки.

– А сколько было бы нужно?

– Да, я думаю, марок двадцать было бы хорошо.

Тогда Сталин подошел к телефону, набрал номер Анастаса Ивановича Микояна и сказал ему, что, по имеющимся у него сведениям, суточных денег, выдаваемых нашим командированным за границу, недостаточно и, для того, чтобы наши люди чувствовали себя свободней, надо увеличить суточные членам делегации Тевосяна до 25 марок.

Я поблагодарил и доложил третий вопрос:

– Существующая у нас система оформления заказов очень громоздка и бюрократична. Для того чтобы закупить что-нибудь, мы должны в Берлине дать заявку торгпредству. Торгпредство посылает письменный запрос в Москву, в Наркомвнешторг. Наркомвнешторг, в свою очередь, направляет заявку на заключение в Наркомат авиапромышленности и в ВВС, к людям, которые и в глаза не видели того, что мы, специалисты, на месте определили как целесообразное для закупки. Получается очень сложно, и, самое главное, совершенно неоправданно теряется много времени. Это противоречит основной цели поездки – скорее получить немецкую технику. – Что же вы предлагаете?

– Я просил бы оказать нашей делегации больше доверия и разрешить закупать на месте под нашу ответственность то, что сочтем необходимым. – Что же, пожалуй, разумно, – подумав, ответил Сталин.

– Разрешите также в случае каких-нибудь ведомственных заторов обратиться к вам лично. – Не возражаю, пожалуйста.

– Кроме того, целесообразно было бы ассигновать какие-то свободные средства для оплаты непредусмотренного, но представляющего интерес оборудования и немедленного его приобретения через торгпредство.

– Сколько вы считаете необходимым выделить валюты для таких закупок? – спросил Сталин.

– Я думаю, тысяч сто – двести. Сталин подошел к телефону и сказал Микояну:

– Выделите в распоряжение делегации миллион, а когда израсходуют, переведите еще миллион. Затем, обратившись ко мне, Сталин сказал:

– В случае каких-либо затруднений в осуществлении вашей миссии обращайтесь прямо ко мне. Вот вам условный адрес: Москва, Иванову. После этого он спросил:

– Какие еще есть вопросы? Я поблагодарил за внимание и сказал, что больше ничего не нужно, все остальное будет зависеть от нас. <…>

После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители «Мессершмитт-109» и «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215».

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количествах подлежащих закупке самолетов. <…>

Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: «Москва, Иванову». Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: «Москва, Иванову», он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставлявший право на месте определить типы и количества закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительством задача была успешно решена. <…>

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину. Со мной долго беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина.

Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше – немецкие или английские, как организована авиапромышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС – люфтваффе и промышленностью и т. д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунули ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответствует современному уровню развития немецкой авиации.

Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал.

А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 170–172, 178, 179.

Г. К. Жуков, начало мая 1940 года

…В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на новую должность.

К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоению высшему командному составу Красной Армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через несколько дней я был принят лично И.В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом.

С И.В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на прием к нему шел сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М.И. Калинин, В.М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И.В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

– Как вы оцениваете японскую армию?

– Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, – ответил я. – Дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется

с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода. Должен также сказать, что в начале кампании японская авиация била нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков, Героев Советского Союза, во главе со Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным.

Следует подчеркнуть, что нам приходилось иметь дело с отборными, так называемыми, императорскими частями японской армии.

И. В. Сталин очень внимательно все выслушал, а затем спросил:

– Как действовали наши войска?

– Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья. 82-я стрелковая дивизия, прибывшая с Урала, первое время сражалась плохо. В ее составе были малообученные бойцы и командиры. Эта дивизия была развернута и пополнена приписным составом незадолго до ее отправления в Монголию.

Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно 11-я, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было двух танковых и трех мотобронеевых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска.

Артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе. В целом наши войска стоят значительно выше японских. <…>

– Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов? – спросил И.В. Сталин.

– Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании. Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что он с интересом слушает меня. Я продолжал:

– Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии. <…>

– Теперь у вас есть боевой опыт, – сказал И.В. Сталин, – принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

– Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые действия? Усмехнувшись, И.В. Сталин сказал:

– Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

Возвращаясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением от этой беседы.

Внешность И.В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление.

Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 189–192.

А.И. Шахурин, май 1940 года

Поездки в Германию, пополнившие наше представление о немецкой авиации и авиапромышленности, привели нас к важным выводам. Стало ясно, что если взять все заводы, которые мы сейчас знаем в самой Германии, и те, что действуют в оккупированных ею странах или зависимых от нее, то можно считать, что гитлеровцы имеют значительно более мощную авиапромышленность, чем наша. И могут еще расширить производство авиационной техники. Обмениваясь впечатлениями в своей среде, мы пришли к выводу, что можем оказаться позади, если не изменим положение у себя. Однажды я сообщил все эти соображения Сталину. Разговор произошел у него на даче в мае 1940 года.

Я рассказал Сталину о том, к каким выводам мы пришли, обобщив материалы поездок наших специалистов в Германию. Я прямо сказал, что выясняется опасная для нас картина. Немецкая авиапромышленность вместе с промышленностью оккупированных ею стран примерно в 2 раза мощней нашей. Сталин знал немецкие серийные самолеты. Тут для него ничего нового не было. Но, как я мог заметить, он несколько удивился, услышав, что мы существенно отстаем от мощностей немецкой авиапромышленности. Сталин задал несколько вопросов о германских подземных заводах, чем они отличаются от обычных, и предложил: «Напишите все это официально и представьте свои соображения!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.